
ЯСМИНА САПФИР
Убить
нельзя
научить
Тайны внушателей

Ясмина Сапфир

Убить нельзя научить. Заговор внушателей

https://litres.ru/73866848
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты согласилась на стажировку в Академии Внушения и Наваждения? Осторожно! В царстве безалаберности и гламура придется бороться с видениями, вести следствие, вновь сражаться с зелеными великанами. Но все решаемо! Особенно если рядом любимый варвар, способный ради своей женщины рискнуть жизнью, раскрыть хитроумный заговор и отказаться от мужских принципов.

Содержание

Глава 1. Обычное утро Вархара Изилади 4
Глава 2. Последствия феминизма 42
Глава 3. Философия розовых рюшек 57
Глава 4. Основы воспитания варваров 89
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Ясмина Сапфир
Убить нельзя научить. Заговор внушателей

Глава 1. Обычное утро Вархара Изилади

– Ольга! – голос Езенграса громыхнул из динамика, невдалеке от моего письменного стола. – Вархар у тебя? Чтобы через час были в конференц-зале.

От вопля любимого ректора по внутренней связи я выскочила из постели как пробка из шампанского. Мерзкий будильник времен моей молодости с бешеным хриплым звонком рядом не стоял. Тирады Езенграса по внутренней связи могли поднять даже мертвого. И тот восстал бы уже ради того, чтобы возмутиться столь вопиющим неуважением к почившим.

Объяви Езенграс о нашей связи с Вархаром на общем собрании сотрудников, о ней и то узнало бы меньше народу. Боюсь, что даже зеленокожие великаны-крипсы, враги Академии и моей родины – Земли – услышали ректора.

В подтверждение догадки из соседских квартир посыпа-

лись внезапные ответы руководству.

– Ну мама… Ну можно я еще посплю? – раздался слева нежный, юный голосок, скорее всего сальфийки.

– А? Что? Опять скандры берут город приступом? Сейчас найду свои вилы! – рявкнул справа грубый, мужской, явно мрагулский.

– У нас были вилы? Что ж ты не сказал?! – возмутился женский. По сравнению с ним пароходная сирена казалась оперной арией. – У меня земля под фиалками не взрыхленная. Давай сюда! Плевать, что у них каждый зубец гораздо больше горшка … а-а-а!

Диалог прервался несколькими многоэтажными ругательствами, исполненными дуэтом, и затем продолжился:

– И чего тебя перекосило? – медоточиво поинтересовался женский голос. – Тебе безумно идет! Фиалки так чудесно украшают твою голову! Похоже на свадебный венок.

– Черт тебя забери! Фиалки украшают мою голову? Совсем рехнулась? А чернозем? Тоже мне безумно идет? – совсем недружелюбно прорычал мужской.

– А чернозем сделает твои волосы мягкими и шелковистыми. Удобрит твою больную голову, – скороговоркой выпалил женский, и одна из соседских дверей с грохотом захлопнулась. Бум-м… Казалось, она еще долго будет вибрировать. Кто-то спасался от мести удобренного черноземом возлюбленного.

Спровоцированный Езенграссом хаос стремительно раз-

растался и, подобно лесному пожару, захватывал все новые рубежи. Это походило на внезапную вспышку буйного помешательства с эпицентром в моей комнате.

– Встава-а-ай! Тебя вызывает детектор! Ой… дезинфектор! Ой, вектор! Тьфу ты, ректор! – этот женский голос прославился на всю Академию. Никто не ругался в Академии так громко и так экспрессивно, как скандрина Марделина Зарзелази. – А-а-а! Куда ты встаешь, скандр проклятый! Это моя рука!

– Две руки – роскошь, – лаконично возразил грудной бас Лархара Зарзелази, прославленный в Академии не меньше.

– А это мой нос! Он один!

– Нечего будет совать в дела мужа…

– Я сейчас кое-что суну в тело мужа. И это что-то острое и холодное…

– Дай подумать. Что бы это могло быть? Твой змеиный язык?

Хотя супруги Зарзелази обитали на другом конце этажа, но слышала я их получше, чем остальных соседей. Вот что значит скандры! Их семейные разборки всегда потрясали воображение окружающих.

А еще они регулярно потрясали общежитие. Сегодняшняя ссора неугомонного семейства исключением не стала. После очередной демонстрации супругами незабываемого варварского остроумия пол и потолок нервно вздрогнули от оглушительного толчка и грохота.

Шандарах!

Что-то подсказывало – Марделина снова абсолютно случайно уронила на мужа «бронзированный» шкаф. А обиженный в лучших чувствах Лархар по старой привычке вышвырнул бедный гардероб в окно. Вся здешняя мебель была, на мой взгляд, совершенно неподъемной, потому что содержала бронзовое крошево. Оно требовалось, чтобы магическая энергия студентов не натворила еще больших дел, нежели их буйный нрав, и от Академии хоть что-то осталось.

Я не ошиблась – мимо окна пронеслись фирменные черные плавки с оранжевым костром, а за ними панталоны и бюстгальтер.

Знаменитые на всю Академию «огненные плавки» раз за разом пролетали в авангарде исподнего четы Зарзелази. Независимо от того, в каком порядке это исподнее покидало «отчий дом».

Порой страстная Марделина метала в окно мужнину одежду, на весь вуз обвиняя Лархара в неверности. Ночевка скандра под боком у супруги в ту самую злополучную ночь, когда «похотливый варвар» якобы «шлялся по бабам», смущала только слушателей. Порой глава семейства Зарзелази швырял платяные шкафы в окно один за другим. На днях сразу два гардероба распластались во дворе корпуса после возмущенного возгласа Лархара:

– Где вилки? Я что, собака, хлебать рылом?

То, что у собаки пасть, а не рыло, то, что гардероб не имеет

ни малейшего отношения к вилкам, вспыльчивого скандра не заботило вовсе.

Сегодня пал смертью храбрых уже двадцать первый платяной шкаф супругов Зарзелази. Но кто считает. Зато все давно уяснили – «огненные» плавки неизменно опережали в полете даже более тяжелые брюки, ремни и ботинки с подошвой в три пальца толщиной.

Из душа выскочил голый Вархар и гаркнул в телефон так, что с ближайших деревьев осыпалась листва:

– Да-а-а! Я тут! Где же мне еще быть? Я живу с Ольгой уже почти месяц!

Ветер решил присоединиться ко всеобщему веселью. Усиленно подул, и в окно впорхнул бюстгальтер Марделины. Сделал круг почета по комнате и грациозно спланировал на голову скандра.

Вархар мгновенно выпрямился и замер, словно приготовился лицом к лицу встретить новую атаку соседских вещей. Нескоро удалось мне забыть скандра, одетого только в капельки воды и… бюстгальтер вместо шляпки, кокетливо сдвинутый на бок.

После недолгой паузы он стянул новый головной убор и с минуту разглядывал его со всех сторон, недвусмысленно постреливая глазами на вырез моей тонкой пижамы.

Кажется, Вархар быстро сообразил, что обе мои груди целиком уместятся в одну чашечку подарочного белья. Крутанул его на пальце и выбросил в окно, как признанное негод-

ным.

В тот момент мимо как раз пролетала кошка – она спрыгнула с крыши, когда шкаф с грохотом встретился с мостовой. Наверное, подумала, что здание взорвали крипсы. Или, того хуже, местные воины тренируются во дворе со всеми вытекающими для живности последствиями – свистящими над головой молниями, водяными оплеухами и долгими полетами в неизвестность через академические просторы.

Бюстгальтер принял в свои просторные объятия кошку, и дальше они летели уже в обнимку. Бедная зверушка, ничего не видя, в ужасе замахала лапками и насадила на когти: три пары панталон, четыре пары плавок, пять топов и десять колготок.

– Креативные у них вешалки. А заводные какие! – восторженно проскрежетал таллин из квартиры неподалеку от нашей. Эти существа с корой-кожей и волосами, похожими на металлическую проволоку, первое время неизменно рождали во мне живой интерес.

Мда-а-а. Утро в Академии Войны и Мира мирное не всегда. Зато всегда запоминающееся.

Я завернулась в голубой махровый халат и тяжко вздохнула.

К местной специфике еще привыкать и привыкать. С соседями мне не везло просто хронически. Даже в родном мире. То семечками обсыплют с головы до ног, то крыльцо в каток превратят…

Даже странно, что Алиса, моя сестра и новая секретарша любимого, почти не обращала внимания на сумасшествие вокруг. Наверное, недолгое пребывание в психиатрической лечебнице после похищения крипсами здорово закалило ее нервы. Кто знает, что она там видела и слышала? Об этом даже думать не хотелось. Слава богу, Алису удалось вылечить и даже поселить здесь же, на Перекрестье пяти миров. Как говорится – не было бы счастья, да несчастье помогло. Тот самый крипс, что заставил сестру выносить своего ребенка и лишил разума, пичкая ради этого собственной энергией, одарил Алису способностями магнетика. Слабыми, но достаточными, чтобы ей разрешили жить и работать в нашей Академии.

Вархар мою досаду на соседское буйство понял по-своему.

– Ну, Езенграс! Ну, черти тебя забери! Женщина спала себе, а ты ее поднял. Какого… черта, я тебя спрашиваю? Еще… – Он замялся, поискал глазами часы и продолжил: – Еще только пять утра!

– Ну ты-то встал? – как ни в чем не бывало, радостно продолжил беседу Езенграс. Словно нет ничего необычного в том, что Вархар встал не в своей квартире, а в моей. Из приоткрытого окна донеслось дружное хрюканье. Я выглянула наружу, чтобы полюбоваться на то, как соседи – преподаватели и студенты – хихикают в кулаки.

– Вот! Бери пример с Изилади, похотливый варвар, – по-

советовала мужу на всю Академию Марделина. – Каждый дурак… Ой… каждый ректор… Ну… Прости-ите, Езенграс! – От зычного извинения у меня ненадолго заложило уши, и конец обвинительного монолога донесся слабым эхом: – Каждый в Академии знает – Вархар ночует только у своей Оли. А не у каких-нибудь местных шлюх.

Вот теперь уж точно о наших с Вархаром отношениях узнал в Академии каждый – от кота в бюстгальтере до бродячего электричества в подвале. Зато и я узнала нечто новое.

– Хотя Гандалия, заметь, однажды пошла на последнее средство. Разделась прямо в кабинете Вархара. И знаешь, что он ей сказал?

Оглушительная тишина воцарилась за окном. Всем хотелось получше расслышать ответ.

– Знаешь? – словно бы нарочно издевалась над общественностью Марделина. – Вархар ей сказал только: «Дорогая, ты изящна, как мои плечики для пиджака».

Жар бросился мне в лицо, сердце решительно достучалось до ушей, а скромность – до всего организма. Захотелось огреть любимого чем-нибудь тяжелым – по голове, по спине, по тому месту, откуда он сообщал о наших отношениях на все общежитие. До тех, кто хрюкал за окном, дотянуться не было ни единого шанса, а отправлять к ним в гости шальные молнии не позволяла совесть. Все-таки соседи… нам с ними еще жить да жить.

К несчастью, под рукой оказался лишь томик романтиче-

ского фэнтези, недавно презентованный мне мрагулкой Сласей Вольк. Его-то я и метнула в наглую физиономию Вархара, но, естественно, промахнулась.

Когда-то я научила затюканную и невзрачную студентку, как поставить сокурсников на место, правильно ухаживать за собой, одеваться и краситься. И мы… подружились, чего не ожидала ни одна из нас. Все-таки я – древняя мадама, индиго, что живет бесконечно долго, хотя и вечно молода, а Слася – юная девушка, чей путь в покорении наук и мужских сердец только начался. Но мрагулка потеряла маму еще совсем крохой и в своем мире жила вдвоем с отцом. Ее непутевые сестры учились в Академии Внушения и Наваждения и почти не общались с родственниками. Сласе явно очень не хватало женского совета и женской руки. А еще, не так явно, но гораздо сильнее, не хватало жилетки для слез и ушей для сплетен. После месяца работы в Академии я обнаружила, что эти две вещи и мне как воздух необходимы.

Мы со Сласей нашли друг друга. И теперь оставалось лишь надеяться, что подарки ее не найдет Вархар.

Вещицы, преподнесенные Сласей, он называл не иначе как «экстрасварганенные». И приспосабливал их самым неожиданным образом.

Книге еще повезло – благодаря бронебойной обложке, прочностью не уступавшей металлическому листу. Скандр любил ставить на нее горячую чашку, чтобы не портить деревянную мебель, и забивать гвозди. Девушка на обложке

недвусмысленно предлагала себя. И миллиметровщик Вархар умудрялся неизменно попадать книгой по гвоздю так, что каждый понимал – героиня дорвалась-таки до желаемого.

Но хуже всего мне приходилось в те редкие дни, когда скандр применял книгу по прямому назначению. Открывал на первой попавшейся любовной сцене, а они были на каждой странице, и зачитывал на разные голоса, уморительно комментируя.

– «Да! Да! Да! Я считаю, мы должны уехать вместе», – с придыханием выкрикивал Вархар и продолжал отсебятиной: – Так говорил викинг своей любимой и несравненной кобыле Брунгильде,.

И без перехода орал очередную цитату:

– «Я была возмущена его поведением. Как он посмел полезть целоваться?» – Вархар наклонялся к моему уху и доверительно шептал: – До меня в Академии Розовых Соплей дотронуться не смели! Я была в таком напряжении, что билась током любви, и выживали не все,.

И снова с экспрессией декламировал надрывным фальцетом:

– «Я замахнулась и ударила его коленом в пах!» – Он выдерживал недолгую, театральную паузу. – О, стишок навеяло: «Коленом взмах – и пах ба-бах!»

Громовой хохот из соседних комнат вдохновлял любимого на дальнейшее безобразие.

– Противный! Я сломала коленку! – тонким манерным голоском заканчивал ужасно довольный собой скандр, а затем объяснял: – Ведь на пах были надет металлический щиток. После предыдущих трех раз герой все-таки догадался, что на свиданиях с любимой его пах всегда находится под ударом. А вот если бы она током жахнула по железному щитку… Что меня поражает в этом талантливом произведении, – подняв глаза от текста, делился Вархар, – так это стальные нервы и, не побоюсь этого слова, титановый пах героя.

Соседи внимали молча, видимо, затаив дыхание.

– Выдержать полчаса с женщиной, которая шутит под стать конюху, ведет себя как подзаборный алкаш и обращается с ним как с половой тряпкой. Выдержать семь ударов в пах! Да ему звезду героя надо. А барышне – нобелевскую премию. Вот, смотри, она рассказывает: «В ближнем к нам космосе появились вражеские корабли… После удара ракеты, они зависли в воздухе, словно замороженные». Ты понимаешь?

Скандр снова делал паузу и восторгался дальше:

–В космосе зависли в ВОЗДУХЕ! Молодчина! Герои совершили открытие всех времен и народов. На это их вдохновили семь ударов в пах. Эх, жаль, что после такого они не смогут размножаться и не оставят нам столь же талантливое потомство. Хотя вот тут, на сто пятой странице, героиня опробовала какой-то новый невероятный *о*рган. Сначала я думал – речь о музыкальном инструменте – орг*а*не. Но

теперь… зная состояние героя… Вот еще! Я до сих пор не могу понять, что это за поза…

Вархар морщил лоб и зачитывал:

– «Я встала над ним сверху». Хм. Ага. «Свела икры, согнула лодыжки, и присела на уже готового мужчину». Ага, готов, бедняга. Еще бы! Жуть какая, как представлю, что на меня садится косолапая женщина со сведенными икрами… Ты знаешь, почитав это сочинение, я понял, что букварь – невероятно, ну просто потрясающе глубокое литературное и философское произведение.

В последний раз Вархар случайно открыл роман на эпилоге, поспешно закрыл и принялся внимательнейшим образом изучать пол рядом с ботинками. Он приподнимал ноги, осматривал подошвы, озирался, пока я не спросила:

– Что ты делаешь?

– Ищу лужу розовых соплей, – без тени улыбки ответил скандр.

Кофточке, презентованной Сласей в порыве благодарности за одолженное платье для танцев, повезло гораздо меньше, чем книге.

Правду сказать, я слабо представляла себя в этой вещице. Кофточка фасона летучая мышь была связана из нитей вроде люрекса, всех цветов радуги, и сплошь обшита пайетками и стразами. Конечно, надев нечто подобное, в толпе не затеряешься – блестящий во всех смыслах слова выход тебе обеспечен. Не говоря уже о том, что ночью, на темной дороге,

тебя не собьет даже подслеповатый водитель. А залетная летающая тарелка вполне может принять за сухопутный маяк.

Но я с огромным трудом представляла себя на лекции в этом творении безумного дизайнера. Несмотря на то, что ткань оказалась мягкой, нежной и очень приятной на ощупь.

Придя «домой» – только так и не иначе именовал теперь мое бедное жилище Вархар – он немедленно обнаружил тряпицу. С минуту потрясенно смотрел на нее так, как, смотрели бы мы на кенгуру, что рисует пейзаж на крыше в доспехах средневекового рыцаря. После недолгого многозначительного взгляда Вархар использовал блестящую кофточку «по назначению». Назначил он ей роль кухонного полотенца, с чем Сласин подарок блестяще справлялся.

Я тонко намекнула, что незадолго до того, как скандр порвал тряпицу на четыре части легким движением даже не руки – пальцев, она была предметом одежды. Вархар приподнял бровь с моими любимыми родинками, пожал плечами и с хитрющей улыбкой уточнил: «Имеешь в виду предметом надежды на то, что тебя не примут за светомузыку? Или другой надежды. На то, что ослепленный красотой этой вещи водитель местного автобуса не сделает в здании новую арку?». И главное ведь – не возразишь.

Особой любовью Вархара пользовался подаренный Сласей набор ключей и замков. Я пожаловалась, что в квартиру вламываются все кому не лень, и на следующий же день сердобольная мрагулка нашла решение.

Ключами, размером с две ладони, Вархар резал хлеб и мясо. Острые, как у пилы, зазубрины работали лучше настоящих ножей. Замками скандр колол орехи.

Вархар опустил если не ниже плинтуса, то до плинтуса уж точно еще один подарок мрагулки – огромную пластиковую то ли вазу, то ли амфору. Я легко уместилась бы в ней целиком и прожила бы там несколько дней, если бы… не ослепла от сияния. Вазу покрывал густой слой разноцветных блесток. И, что самое поразительное, покрывал не только снаружи, но и внутри.

Я начала подозревать, что подруга слишком много общается со своим новым парнем – леплером. И воистину неуемная страсть его расы ко всему блестящему перекинулась на Сласю. Заведись на Перекрестье пяти миров хоть одна сорока, ходить бы леплерам на занятия в одном исподнем, а в Академии появилось бы отчаянно счастливое пернатое.

Я припрятала вазу за шкаф, подальше от Вархаровских зорких глаз и длинных рук. Но когда вернулась, скандр уже преспокойненько плевал туда вишневыми косточками. А потом сгреб в нее со стола объедки. Сказать по правде, ваза была намного вместительней, чем все мои мусорные ведра вместе взятые. Но что-то подсказывало – Слася прочила ей менее бесславную и более чистую участь.

И сегодня ваза наконец-то получила шанс отомстить скандру за поругание.

Пока я искала по всей комнате тяжелые предметы, кото-

рые, к тому же, не жалко разбить о голову Вархара, Езенграс скомандовал:

– Слышь, ты! Недожаренный крипсами проректор! Чтобы через час был у меня вместе хм… со своей хм… Ольгой.

– Слышь, ты! Завистливый до чужого счастья ректор! – парировал Вархар. – Пока Оля не займется со мной любовью, никуда не пойду. Ты сам не захочешь, чтобы я разгуливал по коридорам в таком виде. Утро, Езенграс. Утро. Если ты еще не забыл, как оно действует на здоровый мужской организм.

Хрюканье за окном усилилось так, что казалось – я в свинарнике. Езенграс загоготал во внутренний телефон, и сложилось впечатление, будто в свинарник проник еще и лев.

Не выдержав публичного обсуждения нашей интимной жизни, я схватила вазу и вместе с мусором водрузила ее на голову Вархара. Скандру, предсказуемо, и мысли не пришло, что я возмущаюсь. Скорее наоборот.

– Я приду, но попозже, – пообещал он Езенграсу. – Кажется, Ольга не против решить мою большую проблему. Ну, ты понимаешь. Маленькие у крипсов и сальфов.

Прихвастнув на весь вуз размером своей проблемы, Вархар снял передо мной вазу, как Д'Артаньян шляпу, и не глядя запустил ее в раковину. Раковина и ваза возмущенно звякнули – они явно не планировали встречаться этим ясным теплым утром. Звон битого стекла оповестил о том, что Сласин подарок уничтожил несколько чашек, висевших прямо над мойкой. Толстенные осколки пулями вылетели в ок-

но и лихо подрезали длинные ветви тонкого дерева во дворе корпуса. Даже чашки в Академии легко превращались в оружие массового поражения. Что уж говорить о сотрудниках и студентах.

Ветви негодующе затрещали, немного покачались на ветру и с хрустом сломались. Две самые длинные поздоровались через наше окно с прихватками – они висели невдалеке от ставен, на гвоздике. Теперь рукавицы, куда даже Вархар засунул бы ногу, покачивались на сучьях, негромко шелестя листвой.

Но нам еще мало досталось.

Из верхних окон посыпались многоэтажные ругательства. А следом посыпались и сами соседи. Сначала бегекот – так прозвал Вархар домашнего питомца верхней соседки из расы таллинов. Не всякий человек поднял бы зверушку на руки. Правда, большая часть ее веса приходилась на живот, поэтому бегекот камнем рухнул вниз. Следом полетела и его хозяйка, математичка Вейзалитта, в самых маленьких стрингах, что я видела, и топике на голое тело.

Ее серебристые волосы встали дыбом, на чернокором лице почти выкатились из орбит темно-шоколадные глаза. В одной руке соседки угрожающе раскачивалось ведро с грязной водой, в другой – флагом развевалась на швабре еще более грязная тряпка.

Уж не знаю, какой поворот судьбы привел Вейзалитту и кота к такому падению, но крепкая таллинка падала, задевая

плечами и шваброй горшки с цветами, вывешенные за окнами. При каждой встрече с «обителью» несчастного растения она выкрикивала такое витиеватое ругательство, что в мое окно донеслось рычание соседа-истла:

– Да тише ты! Я записываю. Пригодится на экзамене. У меня вечно заканчиваются слова. Остаются только нечленораздельные звуки. А не восторгаться знаниями наших студентов невозможно. Сердце не выдержит. Начну прямо с оглашения результатов контрольных! Другими словами их ну никак не описать.

Вейзалитта аккуратно приземлилась на бегекота, и тот, вереща с перепугу, мигом взобрался на дерево со своей наездницей, наплевав на законы тяготения и лишний вес.

– Заметь! Я изобрел живой антигравитатор, – хохотнул за моей спиной Вархар, энергично вытряхивая ореховую скорлупу и чаинки из русой косы на головы нижних соседей. Они высунулись из окон, наблюдая за полетом математички и ее перекормленного питомца.

– А разве ведьмы летают не на метле? – захихикала девушка-истл, потряхивая золотисто-русой гривой.

Эти удивительные существа походили на помесь человека со львом. У всех мужчин-истлов, даже у подростков, неизменно росли пышные бакенбарды. У женщин их не было, зато грива кустилась вдоль позвоночника, почти до лопаток.

– Да ладно тебе! – почесал обильно удобренный скорлупой и чаинками затылок студент-леплер. – Метла – это про-

шлый век! Швабра удобней и прутья в жо… в ноги не впиваются. Видишь, как она разоделась, тьфу… разделась для шабаша.

Композиция в кроне дерева отдаленно напоминала памятник булгаковской Наташе, служанке знаменитой Маргариты. Она – совершенно обнаженной – ездила на соседе-борове, Вейзалитта – в стрингах – восседала на бегекоте, размахивая шваброй как копьем. Топик покачивался на ее длинном крючковатом носу как на вешалке. Шокированная Вейзалитта озиралась широко распахнутыми глазами и поливала прохожих водой из ведра, нараспев скандируя:

– Летите! Летите! Вот вам моя пыльца фей.

Бегекот заунывно выл – то ли с горя, что оказался на дереве, то ли с радости, что наконец-то забрался куда-то выше пола. А может быть, и от страха. Ведь он, единственный из всех наблюдателей, точно знал, что швабра не летает.

Но страдальческие арии навеки заброшенного на дерево кота заглушали комментарии преподов и студентов, обильно политых «пыльцой фей». Рычали и даже показывали острые клыки истлы, скрежетали ругательства таллины, грозились кулачищами размером с иную голову скандры и мрагулы. Низкорослые крепыши леплеры басисто матерились, а сальфы жалобно вскрикивали.

Справа из окна донеслось мурлыканье истла:

– О! Это что-то новенькое! Дай мне еще один блокнотик. Завтра у меня зачет у группы скандров…

От созерцания утренней вакханалии меня оторвал Вархар.

Вытряхнув весь мусор из длинной косы на головы не в меру любопытных нижних соседей, скандр подхватил меня на руки и прижал к своему шикарному торсу. Глядя на него, бессмертные греческие боги умерли бы от зависти. Под аккомпанемент возмущенного стука сердца я набрала в грудь побольше воздуха, собираясь высказать Вархару все, что думаю. Но он предусмотрительно закрыл мне рот поцелуем.

Не помню, как очутилась на кровати. Но когда мой здравый смысл наконец-то решил подключиться к процессу, я уже лежала там, совершенно обнаженная. И здравому смыслу ничего не оставалось, как временно сдаться на милость победителей – Вархара и желания. Рассудок полностью капитулировал, когда скандр прижался и вдавил меня в матрас так, что тот заметно прогнулся и недовольно скрипнул. Но после счастливого рыка Вархара мгновенно затих. Думаю, на всякий случай.

Слова негодования выветрились из головы, и я забыла обо всем в объятиях Вархара.

Не знаю, как насчет его таланта заниматься любовью на потолке и на шкафу – у меня не хватило духу и хватило ума не бросаться в такие авантюры. Но в постели скандр был великолепен без вопросов.

Он, конечно, прекрасно знал, что после минут страсти я припомню и громогласный разговор с Езенграсом, и вообще

все «хорошее». Но сейчас мы оба наслаждались праздником жизни. Таким, какой возможен лишь с воинственным скандром.

Только он способен без усилий, без льстивых комплиментов железно убеждать свою женщину, что она желанней всех красавиц и легче пуховой подушки.

Только он способен целовать так, что казалось, это последний в моей жизни поцелуй. Ласкать руками и языком так, что после этого и умереть не жалко. И овладевать так, что даже после четырех оргазмов я не жалела о каменной усталости в мышцах.

Когда все закончилось, Вархар не повернулся к стене и не захрапел, как мужья из анекдотов моей Земли. Как ни поразительно, этот варвар, бретер и бахвал не храпел вовсе. Скандр рванул к окну и щедро пообещал давно притихшим соседям:

– Я по голосам всех запомнил, если что. Не забывайте! Физики считают до порядка. Вы думали, речь о нулях после первой циферки? Проще надо быть! Пока нет порядка, считаем всех нарушителей. Поэтому нарушителям, – и он перечислил сорок семь имен и фамилий, – штрафы в размере двух окладов и дежурство в подвале. Еще немного побережем нервы уборщиц. И деньги вуза. В последние дни за каждое рандеву с электротоком уборщицы требуют премии. Хорошего дня. И помните – хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Пословицу Вархар проиллюстрировал более чем наглядно: перегнулся через подоконник и загоготал в голос.

Из окон полетели громкие покаянные вздохи. Но пытаться растрогать ими скандра все равно, что пытаться растрогать аллигатора, который сомкнул челюсти на вашем торсе и смакует мясо.

– И чтобы через полчаса были на своих кафедрах! Я проверю. Мне плевать, что рано! Чтобы все были на рабочих местах. Я по видеозаписям удостоверюсь. Пока нет занятий и студентов, спокойно подумаете о своем поведении. Напишете объявления в стенгазетах. О грядущих контрольных. Не забудьте нашу любимую присказку: «Если вы поделили столбцы на время и умножили на скорость выпадения препода в осадок, то получите не больше кола».

Вздохи из окон сменились деловитым пыхтением. Народ торопливо собирался туда, куда послал его Вархар. Мой варвар умел навести порядок, хотя беспорядок наводил ничуть не хуже. И делал это без малейших усилий, порой одним лишь своим появлением.

Временами хватало даже слухов о визите Вархара. Стоило им расползтись по моей кафедре физики, как сотрудники, по старой памяти, начинали метаться из угла в угол, активно занимаясь «сибурде» – Симуляцией Бурной Деятельности.

Благодаря габаритам местных сотрудников, их буйному темпераменту и энтузиазму, очень скоро казалось, что кабинеты выделили под ядерный полигон. Скандр Суггурд Бре-

ло даже в святом порыве сибурде умудрялся что-то рассказывать всем вокруг. Коллеги трудились с ним бок о бок не один год и привычно уклонялись от мельницы карающих рук. Страдала лишь несчастная недвижимость – стены, мебель, вещи. Они бы ушли или даже сбежали, если бы имели хотя бы одну ногу или колесико. Но жестокая судьба не оставила зданию и обстановке выбора. Суггурд вытаскивал руки из отверстий в шкафах, снимал с запястий браслеты-вазы и стряхивал с пальцев брошюры.

И без устали добродушно дарил окружающим сумки и головные уборы тех, кого угораздило проходить мимо кабинета или приблизиться к стенам в смежных помещениях. Суггурд почти без усилий пробивал и бронзовые двери, и каменные стены толщиной не меньше пяти кирпичей.

– Подумаешь, восточные единоборства! – хохотал он в ответ на вопросы окружающих. – Я жил с тремя старшими братьями. Засранцы баррикадировались на кухне. Пытались в одиночку съесть то, что наготовила мать. А я забирал все сквозь стены… Прямо в кастрюле.

Скандр Мастгар Раттифер, похожий на белокожего огра, в порыве сибурде принимался насвистывать марш в знаменитые дырки между зубами. Выяснилось, что в племени Мастгара «прореживали зубы» почти всем мужчинам, невзирая на возраст, должность и происхождение. Это считалось боевым крещением. «Некрещеных» не уважали и, как ни удивительно, обзывали «беззубыми акулами».

«Музыка ветра» в исполнении Мастгара поднимала в воздух не только уцелевшие брошюры, но и молотки, отвертки и знаменитые пилки для ногтей. В шкафах кафедры их оказалось гораздо больше, чем самих ногтей на пальцах сотрудников. Вещи, даже с малюсенькими железными деталями, немедленно устремлялись к доске для объявлений, вырезанной из тонкого листа намагниченного металла. И намертво к ней прилипали.

Попытка прибить к стене обычную доску для объявлений – сначала кнопками, а затем и гвоздями – потерпела сокрушительное фиаско. Стена категорически отказалась уступить. Очевидно, ей не понравилась статья, написанная скандриной Лицией Варлак. Зубов у той было еще меньше, чем у Мастгара, но журналист из лекторши вышел на редкость «зубастый». Лиция предлагала разобрать часть стен и провести в аудитории новую вентиляцию, чтобы облегчить всем жизнь и дыхание. До нас перестали бы долетать столовские ароматы и вонь из общежития. Студенты перестали бы принимать заунывное урчание животов преподавателей и сокурсников за гудок сигнализации. Сотрудники перестали бы принимать «амбре» из общежития за запах неисправных канализаций в нескольких ближайших мирах сразу.

Стена отстояла свое право на целостность, чего не скажешь о потолке нижнего этажа. Там осыпалась почти вся штукатурка, и к нам повалили существа, очень похожие на гипсовые статуи. Только глаза их бешено вращались, а рты

выкрикивали такое, какое ни одна приличная статуя никогда не позволила бы себе даже в мыслях.

Вообще все давно усвоили, что здание Академии (да и прочее имущество) обладает собственным сознанием, чувство юмора и пристрастиями. Оно давало возможность выпустить пар расшалившимся озорникам и, как мудрая матушка, заращивало потом разбитую стену. А вот статью про перепланировку себя любимого здание восприняло в штыки.

Тогда-то скандрина Метанилла Алигандр и придумала «магнитную доску». Только немного не рассчитала, когда намагничивала лист какого-то чудн*о*го голубого металла, случайно завалявшегося в шкафу.

Стоило Метанилле внести свое детище в коридор, доска проявила вопиющую самостоятельность. Вырвалась из рук создательницы и намертво прилипла к стене. Наверное, именно этому месту достался особенно толстый слой лака с бронзовым крошевом, которым покрывали все стены, потолки и полы в Академии.

Три лектора-скандра и один мрагул кряхтели и пыхтели часа два, но так и не смогли оторвать магнитную газету и переместить ее в более подходящее место.

Она и поныне висела в паре сантиметров над полом.

Читали издание крайне редко. Приобщаться к публицистике, лежа на полу, решится не всякий. Особенно если мимо снуют скандры и мрагулы, обязательно наступая на волосы.

Зато магнитное издание надежно защищало всех вокруг от шальных летучих железяк. Даже от счетных машинок.

Редкий металлический калькулятор долетал до середины кабинета. А ведь каждая его кнопка была не меньше половины спичечного коробка! И все же калькуляторы упрямо заявляли, что для счетных приборов законы физики не писаны. Делали круг почета и с восторженным грохотом штурмовали магнитную доску. Что интересно, встречу с ней переживали почти все счетные приборы, а встречу с нашими студентами – не больше трети.

Считанные калькуляторы умудрялись преодолеть тягу к чтению и, следуя завету Вархара, устремлялись в окно. Оттуда неизменно слышались многоэтажные высказывания не только в адрес нашей кафедры, но и в адрес Ньютона.

Дело в том, что военные учения во дворе корпуса не прекращались с утра до вечера – с момента нападения крипсов их часы утроились. Знаменитые преподы-командиры – Генерал, Колокол и Священник – свято верили, что именно Ньютон изобрел гравитацию. Намеренно, с коварной целью обрушить на головы ни в чем не подозревающих вояк тяжелые и не очень предметы. Скандры и мрагулы «ударных законов» не прощают. Мрагул Колокол сообщал всем соседним мирам, что, столкнись он с изобретателем тяготения, донес бы свое мнение лучше, чем сам Ньютон донес до потомков законы физики. На языке угроз и ядреных ругательств. Я попыталась объяснить, что Ньютон никакой не изобретатель тя-

готения, а виной всему масса планеты.

На что Генерал, тот самый скандр, которому жена в порыве страсти выбила глаз, нахмурился и изрек:

– Настоящий мужик не перекладывает вину на женщину! Возможно, она и набрала лишний вес! Но не заявлять же об этом маленьком недостатке во всеуслышание. И не писать во всех учебниках.

– Да ладно тебе, – возразил ему веселый скандр Священник, почесывая единственное целое ухо. Второе откусила ему жена в порыве страсти – супруги академических варваров умели довести мужчину и до оргазма, и до больницы. А чаще всего и до того и до другого сразу, чтобы надолго запомнил суженую. – Если бы Ньютон знал, как извращают его законы местные студенты, он умер бы еще раз. А если бы он видел, как они используют его формулы… Он бил бы себя по голове уже не яблоком, а булыжником. Для амнезии.

Но хуже всего то, что проверки Вархара с ужасом ждали не только лекторы, но и электрики. Только в день первой ревизии скандра в «местах былой славы» я узнала, сколько их трудится на кафедре. И даже познакомилась со всеми воочию. Незадолго до того, как кафедра погрузилась в кромешную тьму. Я, грешным делом, подумала, что предусмотрительные электрики пытаются скрыть от Вархара то, что сотворил с кабинетами энтузиазм преподов. Но тут один из электриков – белокорый таллин Граллим – зажег красную ароматическую свечу.

Откуда он ее взял, до сих пор оставалось загадкой – размером и формой свечка в точности повторяла вибратор. Когда запылал фитиль, она подозрительно зажужжала и затряслась в руках Граллима.

По коридору поплыл густой аромат клубники, а уже спустя недолгие секунды раздался истошный крик нашей уборщицы – леплерки.

– Как ты мо-о-ог? – Она бросилась к электрику и вырвала свечку из его рук.

– Да легко, – пожал плечами Граллим. Невесть откуда вытащил еще десять таких же свечей, расставил их в ряд по самому центру коридора и поочередно зажег. Вернее, не так. Поочередно зажигал. Следом неслась уборщица, суматошно тушила их, собирала и прятала.

На стенах плясали смешные тени – они словно бы пародировали вибраторы в самые что ни на есть рабочие моменты.

Свет в корпусе отсутствовал еще два дня. Электрики никак не могли понять – где же «закоротило», и упорно зажигали аромасвечи. К моменту, когда к «свету ученья» присоединился и банальный электрический свет, увесистые восковые фигурки укоротились ровно наполовину. А женщины кафедры поправились на несколько килограмм – ягодные запахи заставляли их каждую перемену бегать за десертами в столовую.

Починив, наконец, проводку, находчивый электрик заявил понурой уборщице:

– Не переживай, зато теперь они больше похожи на настоящие. Предыдущими можно было даже гланды почесать через… ну, ты понимаешь через какое место.

В ответ уборщица всхлипнула, и щеки ее окрасились в цвет аромасвечей.

* * *

Когда я отдышалась после страстного марафона, а Вархар наградил слишком веселых соседей штрафом, до назначенной ректором встречи оставалось всего полчаса.

Пока искала, во что бы принарядиться, и вылавливала черные блузку с юбкой из шкафа, скандр успел: принять душ, одеться и съесть четыре бургузьи ноги. Бургуз – зверь из непроходимых джунглей Эйрелейны, мира Вархара. С виду он похож на мини-слона, размером не больше кавказской овчарки, но гораздо толще. Все знакомые мне скандры в один голос твердят, что мясо бургуза нежнейшее из нежных. Однажды я, наивная человечка, попыталась попробовать этот чудо-деликатес. Но, едва не оставив в нем половину зубов, бросила глупую затею навсегда.

Я только диву давалась, глядя, как Вархар, с бургузьей ногой в зубах, одевается и шнурует ботинки. И, что самое потрясающее – когда он завязывал шнурки своим любимым, замысловатым узлом, во рту скандра торчала уже только кость.

Пока я торопливо собиралась, Вархар кормил меня бутербродами с говяжьей ветчиной и поил свежезаваренным мят-

ным чаем. Пришлось бить рекорды Юлия Цезаря собственноручно, точнее даже собственнозубно, а не только наблюдать, как это делает скандр.

Что-то подсказывало – Вархар заботился не только о моем здоровье и фигуре, но и о собственных. Я всерьез планировала нанести им ущерб – как минимум ударом сковороды, как максимум таким криком, чтобы скандр не скоро вновь услышал призыв Езенграса по внутренней связи.

Но стоило прожевать бутерброд, проглотить чай и открыть рот для бурного выражения эмоций, там немедленно оказывался очередной кусок. И ведь, что самое противное – не придерешься.

– Мужчина – кормилец семьи. Своей женщины, прежде всего, – поучал Вархар, не давая мне и слова проронить. – Если женщина ест у него с рук, значит, дело заладилось.

Я прикончила два бутерброда прежде, чем завершила туалет черным кожаным поясом. Набрала в грудь побольше воздуха, планируя наконец-то одарить скандра эпитетами, что вертелись на языке, но Вархар подхватил меня на руки и бросился к лифту. Он любил петь дифирамбы моей стремительности, умению собраться. Но если мы куда-то спешили, просто хватал и нес. Сначала я еще пыталась возмущаться тем, как вопиюще он не верит в скорость любимой женщины. Вархар приподнимал родинки бровью и улыбался самой трогательной из своих улыбок – при виде нее акула умерла бы от страха не сразу, а через минуту. Сначала она просто

упала бы в обморок и лишь потом почила от разрыва сердца. Подготовив меня таким способом, скандр елейным голосом произносил:

– Оленька, как ты могла подумать, что я не верю в твое проворство? Ну мне же нужно тренироваться. Ноги, сердце, руки прокачивать. Вот и бегаю с тобой, как с легким утяжелителем. Наши фирменные гирьки Езенграс выбросил из окна еще два года назад. Под окном ректорского кабинета кружила муха. Похоже, раздумывала – залететь на огонек или нет. Езенграс решил убить муху гирей, и так десять раз. Но вместо этого убил доверие Генерала к окнам Академии и раскокошил три камня на дорожке у корпуса. Муху так сильно контузило, что еще два дня она жужжала с заиканием и упорно билась в стекло. Могла залететь в окно. Но, видать, перенервничала. Перестала ориентироваться в пространстве. Опять же! Ты сама запретила мне тренироваться с Драгаром, – на этой фразе Вархар хлопал ресницами почище придворных кокеток времен короля-солнца.

И мне оставалось лишь проглотить очередной гневный монолог. Первое время после выписки Драгара Вархар регулярно «сталкивался» с моим горе-ухажером у лифта. Неважно – к какой паре ехал помощник, неважно – опаздывал он или выходил пораньше, встреча с начальником была предопределена.

Вархар неизменно заскакивал в кабинку, отталкивал Драгара от дверей и уезжал, оставляя его снаружи.

Наши бурные ссоры не особо действовали на скандра. Вархар сдался только под страхом недельного воздержания и пообещал больше никогда «случайно» не встречаться с Драгаром у лифта.

Теперь он «ненароком» пересекался с помощником в дверях столовой и «нечаянно» захлопывал их перед носом Драгара. Забредая ко мне в гости на кафедру, Вархар непременно повторял трюк в дверях аудиторий и кабинета завкафедры. Моего кабинета.

Я предложила Драгару перевестись к другому руководителю аспирантуры и уйти с должности помощника завкафедры. Но парень гордо вскинул голову, упрямо зыркнул глазами и жалобно простонал:

– Скандры умирают, но не сдаются…

– Именно этого я и боюсь, – попыталась я образумить Драгара.

Но он решительно помотал головой:

– Я не отступаю перед трудностями! Даже если они наступают на меня! – и нервно всхлипнул.

Оговорка оказалась как нельзя более в тему. На следующий день Драгар поскользнулся на яблочном огрызке – его случайно выронила изо рта первокурсница-скандрина.

Началось все с Граммидьера Лаферта – русоволосого и зеленоглазого лектора из расы сальфов. В Академии его прозвали Мистер Забывчивость. Как обычно, Граммидьеру и делать-то ничего не потребовалось – его появление всегда бы-

ло сногсшибательным во всех смыслах слова.

Лаферт задумчиво вышагивал по коридору, насвистывая мелодию из передачи «Спокойной ночи, малыши». Но вот беда! Вышагивал он в своих любимых розовых шлепках-котятах и оранжевых пижамных шортиках. Сплошь усыпанные сердечками и мишками, они едва доставали до середины бедра Граммидьера. А мускулистый торс Мистера Забывчивость почти не прикрывала странная кофточка из золотого люрекса на одной тонюсенькой бретельке. Позже выяснилось, что он, в задумчивости, снял ее с соседского балкона. Лаферту внезапно взбрело в голову поутру прогуляться по перилам, чтобы «освежить мозги».

Экзотические развлечения преподов и студентов в Академии уже давно никого не волновали. С тех пор как Зардафилла Бредье, преподаватель биологии из расы истлов, несколько дней кряду обгрызала кору с деревьев, откусывала лепестки у цветов и ножки жучков. На удивленные взгляды и брезгливое фырканье окружающих биологичка поясняла, что проводит научный эксперимент. Учится распознавать ДНК «путем ее соприкосновения со вкусовыми рецепторами». Пытается разобраться, от какого генного кода ее больше всего мутит. Планирует «подшабашить» датчиком ДНК.

Жаль только бедных садовников – они каждый день часами густо мазали деревья раствором для отпугивания кроликов. Но кора исчезала с ужасающей скоростью при полном отсутствии кроликов в окрестностях и даже в ближайших к

Перекрестью лесах пяти миров.

Неудивительно, что ежеутренние променады Граммидьера по балконным перилам и карнизам ни у кого не вызвали ни малейшего интереса. Увы! Он так увлекся, что сорвал почти все вещи с соседских веревок.

Собственное белье Граммидьер забывал повесить уже неделю. Но его это ничуть не смущало. Зато наряды Мистера Забывчивость стали намного экстравагантней прежнего.

Иногда он приходил на занятия в рубахах леплеров из тканей безумных оттенков с пестрыми узорами, еще более бешеных цветов. Иногда – в вечерних блузках девушек-сальфов – из нежного шелка, с кружевными рукавами-фонариками. Иногда в знаменитом топике из золотистого люрекса. Именно он и привел Драгара в медкорпус снова.

Мрагулка-первокурсница не выдержала неземной красоты Граммидьера… И, сосредоточив на нем все внимание, немедленно опознала собственную выходную кофточку. Рот мрагулки приоткрылся, а взгляд, как назло, уперся в носки Лаферта. На одной ноге Мистера Забывчивость красовался ее же гольф, с золотистыми кисточками. По всей его длине было вышито имя владелицы – Басситта.

Потом студентка долго возмущалась тем, что Лаферт надел ее выходной гольф с носком леплера. Густо покрытый блестками и люрексом, носок, по мнению мрагулки, отвратительно сочетался с ее «чудесным гольфиком». От переизбытка чувств у студентки окончательно отвалилась челюсть,

и остаток яблока упал на пол.

Мимо целеустремленно маршировал Драгар, как обычно, не глядя по сторонам. Когда скандр видит цель, он не замечает не только препятствий, но и того, что под ногами. Вархар несколько раз точно так же наступал на огрызки, банановые кожурки и горы семечек. С той лишь разницей, что после его тяжелой поступи остатки фруктов превращались в пюре, а семечки – в халву. К своему несчастью Драгар еще не успел выработать походку истинного скандра. Наступив на огрызок, он полетел вперед, как на роликах, традиционно сметая все на своем пути. Сбил с ног двух уборщиц, и они в страстном, но тщетном порыве сохранить равновесие, замахали ведрами с водой и шарахнулись в сторону. Влетели в делегацию из Академии Внушения и Наваждения.

Франты-внушатели, как обычно, нарядились «в повседневные», костюмы – накрахмаленные рубашки, бархатные туфли, пиджаки и брюки из дорогущего шелка. Уборщицы придали их повседневному виду еще чуть больше «обыденности и внезапности», как выразился Езенграс. Чтобы гости не так сильно выделялись на общем фоне. Ведра оказались на головах двух внушателей, швабры неведомым образом поселились за шкирками двух других. Тряпки упали на их лица, как челки. Обильно политые водой костюмы украсили грязные разводы, клочки волос и шелуха от семечек.

Драгар тем временем изо всех сил пытался то ли остановиться, то ли научиться кататься на огрызках, превратив это

в новый вид спорта. Парень выписывал зигзаги по холлу, но все же неумолимо приближался к окну, словно оно притягивало его как магнит залетную железку.

Никому не ведомо, как, не пользуясь лифтом, внушатели поднялись на сто этажей за несколько минут. И перебрались в соседний корпус через проход, временно закрытый на реконструкцию, чтобы предстать перед ректором.

Езенграс узнал их не сразу. Когда делегаты показались в дверях кабинета, он бросил через плечо:

– Я сегодня не подаю!

На возмущенные возгласы «Но позвольте!» уточнил у секретарши:

– А это не те самые водяные, о которых я читал в сказках Зейлендии? Вон, и лохмы у них отовсюду торчат, и глаза бешеные. Дышат тяжело. И цвет лица зеленый, как водоросли! И вода течет отовсюду. Или это того, русалки? Что-то больно хлипкие для мужиков. Ну и что – без грудей? Не повезло девушкам. Бывает.

Но стоило ректору узнать, с кем имеет дело, он немедленно убедил высоких гостей, что в Академии Войны и Мира такие наряды очень даже в моде. И достойны они только лучших из лучших.

Я давно заметила – среди скандров и мрагулов встречались на редкость умные и сообразительные варвары. Вархар – яркий тому пример, не говоря уже о Докторе Шоке и Езенграсе. Но демонстрировали природные дарования

они далеко не всегда и не всем, усиленно прикидываясь, что ничем не выделяются из толпы сородичей. «Дабы при случае внезапным проявлением интеллекта дезориентировать оппонента, сводя к минимуму необходимость физического воздействия. Однако некоторым альтернативно одаренным субъектам такое поведение представляется девиантным», – хитро щурясь, рассуждал Вархар.

Я убедилась сама – метод работал безотказно. Интеллектуальный нокаут наносил варварам Перекрестья куда больший ущерб, чем любые драки.

Пока Езенграс распинался перед внушателями, как несказанно им повезло, Драгар долетел до окна и почти повторил свой знаменитый «полет навигатора». Но… случайно наткнулся на Вархара.

Если верить Мастгару, мой варвар расхохотался и снисходительно изрек:

– Смотрю, тебе и без меня досталось. Я убогих не бью. Я веду их в медкорпус. Причем, исключительно из безумной любви к ближнему. К тому же, дважды выбрасывать в окно одного и того же долдона уже не смешно, а пошло.

Когда помощник пришел из медкорпуса, я здорово струхнула. Думала, египетская мумия сбежала из музея, чтобы навестить родные пенаты. И по ошибке очутилась здесь.

Но в следующую минуту занятия были сорваны напрочь, а вуз стал похож на королевство из сказки «Спящая красавица».

Сначала мы услышали звук, по сравнению с которым академическая сирена напоминала пение настоящей сирены. Вздрогнули абсолютно все, включая стены, столы и шкафы.

Но затем откуда-то полилась музыка. И все бы ничего, возможно, она даже приобщила бы наших лоботрясов и бретеров к прекрасному. Вот только от заунывной, медленной мелодии уже через минуту даже меня неукротимо потянуло в сон. А я не какой-нибудь воинственный скандр, знакомый лишь с походными маршами и тарзаньим рэпом «У-у-у-у». Я исхитрялась не клюнуть носом на концерте Баха, когда все вокруг уже присоединились к бессмертной музыке, всхрапывая в такт.

Очнувшись часа через два, мы узнали, что один из гостей имел неосторожность принести с собой трубу. Вначале на ней попробовал играть Езенграс. Именно от этого звука птицы попадали с деревьев, а жуки начали сталкиваться в воздухе. Но затем гость решил показать ректору всю силу музыки. И показал.

Езенграса удалось разбудить только через три часа после завершения концерта.

И он немедленно предъявил Академии Внушения и Наваждения счет за испорченную мебель. Засыпая, ректор упал лбом на стол и отбил от него внушительный кусок.

Прочность костей скандров неустанно поражала мое воображение. Но все же не так, как поразила она воображение высоких гостей! Если верить секретарше Езенграса, вну-

шатели часа два ходили возле обломка стола, измеряли его толщину всеми возможными способами. Не верили в пятнадцать сантиметров бронзированного дерева. Наконец, один из гостей выронил обломок. Тот оглушительно ударился об пол, пробил там дыру и, отскочив от затылка препода-скандра с нижнего этажа, пушечным ядром вылетел в окно. Говорят, его видели где-то в соседнем мире. Тамошние ученые решили, что с неба упал метеорит. А на месте «катастрофы» вскоре создали искусственное озеро.

Глава 2. Последствия феминизма

Пока мы с Вархаром ехали в лифте, я подумала, что самое время навести порядок в личной жизни. Убедить радио, именуемое «проректор Изилади», вещать в прямом эфире о чем-нибудь менее интимном и, желательно, не связанном со мной. Решила сформулировать по-военному. Наряды вне очереди и гаупвахта – вот что поможет добиться взаимопонимания.

– Вархар! – строго окликнула я скандра. Он опустил голову и приподнял бровь с родинками. – Если ты с Езенграсом или с кем-то другим, неважно, снова начнешь обсуждать нашу личную жизнь… Я выйду из себя. А ты выйдешь из моей квартиры. И зайдешь не раньше, чем через три недели. А доступ к моему телу получишь не раньше, чем через месяц. Один наряд вне очереди равен неделе воздержания.

Брови Вархара вылезли на лоб, он недовольно засопел, приоткрыл рот, и стало ясно, что сейчас на меня обрушится вся сила убеждения скандра.

Пришлось поспешно добавить:

– За каждое лишнее слово еще день без секса!

Вархар сглотнул, кивнул и картинно поджал губы.

И лишь тогда лифт любезно остановился на нужном этаже – здание Академии наконец-то встало на мою сторону. Наверное, теперь оно опасалось не только Вархара, но и Мали-

тани. Так прозвали меня крипсы.

В день знаменательного сражения с ними я внезапно открыла в себе способности и страстную любовь к сожжению зеленых великанов. Выжившие крипсы впечатлились до невозможности. Говорят, в их землях вновь появились храмы Темной богини Хаоса и Разрушений. Перед святилищами разъяренные жены стегали кнутом неверных мужей и требовали развода. Мне понравился культ Малитани.

Окончательно примириться с прозвищем помогло новое, почти благоговейное отношение студентов и сотрудников родной Академии.

Стоило разозлиться, они в ужасе шептали: «Малитани», судорожно перемигивались и отступали на безопасное расстояние. Стоило нахмуриться, студенты прекращали гундеть, пробовать парты на зуб, проверяя, сколько в них бронзы, и выковыривать барельефы на стенах. Мне даже удалось спасти от вандализма целых три калькулятора!

Расчеты лабораторных работ так впечатлили студентов-скандров, что они колотили друг друга по затылкам бедными счетными машинками и неистово, гоготали. Головам, конечно, хоть бы хны – черепа у варваров крепче титана. А калькуляторы уже растеряли все положительные качества: кнопки со знаками «плюс» и «умножить» валялись возле стола.

– Что происходит?! – вспылила я, подскочив к забиякам. Парни нервно дернулись, положили счетные машинки на

стол, нежно погладили их руками и дружно, хором затараторили:

– Мы это… вбиваем знания в свои головы. Как завещал проректор Изилади!

Двери лифта разъехались, Вархар выскочил наружу и, не выпуская меня из рук, устремился к кабинету ректора. Его секретарша Зиферра Флю шарахнулась от нас, как от чумы. Но распахнуть бронзовую дверь толщиной в четыре ладони успела.

Сообразительная мрагулка взяла себе за правило сохранять вузовское имущество от вандалов, вроде меня и Вархара. И месяца не прошло с того дня, как я, требуя увольнения, оторвала ручку от двери и сняла ее с одной петли, а Вархар снес бронзовое препятствие окончательно.

– Не пугайтесь, – доверительным тоном проорала на весь кабинет Зиферра. – Ректор разбирает документы.

Уточнение было явно не лишним, потому что вместо Езенграса нас встретила гора листков, папок, книг и конвертов. Она раскинулась на всю площадь ректорского стола и горным пиком подпирала потолок.

– О-о-о! Чета Изилади-Зуборовы! – послышался из-за груды ценных и не очень бумаг голос Езенграса. Казалось, что это гора разговаривает с нами и даже строит глазки. Верхняя половина ректорского лица каким-то чудом просвечивала в зазоре между брошюрами.

Как и мой стол, ректорский занимал четверть кабинета. В

любом из трех местных кресел легко переночевала бы пара человек средней комплекции. В четырех деревянных шкафах можно было не только любовников прятать, но и недели на две посадить в засаду большой отряд скандров.

– Просила ведь не называть нас четой, – обратилась я к Езенграсу, тщетно пытаясь разглядеть выражение его лица за бумажной баррикадой. Да хотя бы лицо увидеть.

– Ольга, к чему такая экспрессия? – опередил удивленную тираду Вархара Езенграс. – Не нравится Изилади-Зуборовы, будет Зуборовы-Изилади. Правда, Вархар? Мы ведь уступим неслабой женщине? – глаз ректора подмигнул в дырку между бумагами.

– Конечно! – поддержал его Вархар. – Женщина, способная спалить десятки крипсов, достойна шагать впереди мужчины. Ну… разумеется, после того как он проверит безопасность дороги. Убьет медведя, если речь идет о пещере. А уж потом пусть наша сильная женщина гордо заходит и бесстрашно дергает зверя за усы.

– В точку! – Палец ректора выскочил из груды бумаг и выбил две папки в бронзовом переплете.

Увесистые махины, размером с некрупного скандра, пронеслись через весь кабинет и сбили с ног секретаршу – Зиферра неосмотрительно замешкалась на пороге в священном порыве истинно женского любопытства. Забыла она, что любопытство сгубило кошку и лишило всем известную Варвару одного из главных украшений лица.

Секретарша ракетой вылетела в приемную, но на этом ее приключения не закончились – Зиферра снесла дверь в коридор. Стройная мрагулка в шароварах и коротенькой футболке полетела верхом на двери, как Шахерезада на ковре-самолете. Ее длинная рыжая коса сбила с ног трех грузчиков-скандров. Они как раз тащили новые шкафы на нашу кафедру – несколько старых пали жертвой студентов и преподов незадолго до сражения с крипсами. Сначала рухнули грузчики, а затем и шкафы, распахнув дружеские объятия дверец, разлеглись сверху. Зиферра пролетела по всему холлу и схватилась за перила лестницы, наивно полагая, что приостановит стремительный полет двери-самолета. Но у бронзового летательного аппарата были другие планы. Он бойко, крутанулся и понесся вниз, время от времени задевая за ступени. Почему именно сейчас Зиферре вздумалось просить о помощи, не представляю. Но рэп вышел отличный:

– По-мо-гите! Меня оста-но-вите! Дверь при-дер-жите! Затор-мо-зи-и-те! ОЙ! Из-звини-т-те!

Многоэтажные крики студентов и лекторов ворвались в кабинет ректора. Езенграс даже бровью не повел, Вархар тоже. Подскочив к окну, я обнаружила, что бронзовый летательный аппарат победоносно выстреливает из корпуса и продолжает свой сокрушительный полет. На двери образовалась настоящая куча-мала. Студенты, преподы, электрики, уборщицы громоздились на ней как попало. Из груды тел торчали ноги, уши, косы, отвертки, ведра, швабры и гаечный

ключ размером с голову скандра.

Наверху восседала ошарашенная Зиферра и, кажется, снова искала, за что бы зацепиться.

Вначале под горячую руку секретарши попались два дерева. Бедные растения присоединились к компании и, нервно помахивая корнями, отправились вместе с ней в неведомые дали. Зиферра попыталась ухватиться за стену корпуса и продолжила путь с каменной глыбой в руке. Из дыры высунулась русая голова историка – истла Леебралла Лоска.

– Вот именно так и прорубали окна в Европу российские государи! – рявкнул он и исчез из виду.

– Не! Так туристы разбирали все достопримечательности по камушку! – встрял кто-то из студентов. – Видели мы картинки Стоунхенджа. Нечего водить скандров и мрагулов по древним развалинам. Такие глыбы только эти варвары могли вырвать с корнем и унести куда глаза глядят.

Зиферра раздраженно отшвырнула сувенирный кусок здания и… выбила три молнии из рук студентов-леплеров – ребята тренировались во дворе корпуса. Веселая компания из каменюги и трех огненных шаров решила заглянуть в пустой автобус неподалеку. Если верить Езенграсу, запасной транспорт стоял себе, никого не трогая, уже много лет. Но пришел и его час.

Я давно уяснила – если в Академии просто так лежит, стоит или валяется какая-то вещь, в один прекрасный момент с ней обязательно что-то случится. И это что-то будет слышно

и видно на весь вуз. Если очень повезет – на все пять миров.

Раздался оглушительный взрыв, языки пламени красиво потянулись к небу, словно разминались после долгого сна. Следом за ними заспешили вихрастые струйки черного дыма. В воздухе запахло гарью и неприятностями.

Автобус взмахнул дверцами, как крыльями, взмыл ввысь, несколько раз перевернулся и приземлился на башню соседнего корпуса. «Встреча в верхах» сопровождалась таким шумом и грохотом, что я удивилась – как из соседних миров не прибежали с жалобами. Железный пегас слабо дернулся, но, похоже, осознал безнадежность своего положения и послушно обмяк на остроконечном шпиле башни. Ни занимающиеся строевой подготовкой студенты в ближайшем к месту катастрофы дворике, ни преподы по военке не обернулись. Даже бровью не повели. Ни один. Мелочи жизни вроде взрывов, полетов дверей над головами и посадки на башню объятого пламенем автотранспорта местных не удивляли давно. А вот гости из Академии Внушения и Наваждения, которых нелегкая принесла к нам с месяц назад, представление оценили.

– Что это? Нападение крипсов? – взвизгнул из окна корпуса напротив один из гостей-внушателей. Похоже, у них такие происшествия случались не каждый день. Возможно даже не каждый год. Длинный, острый нос сальфа высунулся наружу первым, следом появился туго накрахмаленный воротничок – похоже, им можно было колоть орехи.

– Да ерунда! Это наш новый флюгер, – не моргнув глазом, соврал Генерал.

– Ф-флюгер? – заикаясь, отшатнулся от окна внушатель. – А п-почему он горит?

– Ничего ты не понимаешь во флюгерах! – со знанием дела ответил скандр. – Это новая конструкция – и дворик освещает, и направление ветра показывает.

– А зачем освещать дворик днем? – поразился высокий гость.

– Вот ведь ты недогадливый, – попенял внушателю Генерал. – Ночью и без того освещения хватает. А днем, вишь, ничего не горит! Ни окна, ни фонари. Только флюгер нам путь и указывает.

– Путь куда? – истошно завопил внушатель.

– Путь-то? – задумался Генерал, вскинул глаза к небу и почесал затылок. – Хм… К светлому будущему. Куда ж еще?

Именно на этих словах от автобуса оторвалась дверь, пролетела несколько метров и аккуратно приземлилась на соседнюю крышу.

Тихо и душевно догорающая железяка почему-то совершенно не понравилась нашим котам. Вместо того чтобы присесть у костра и ностальгически запеть «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», пушистые камикадзе с диким мяуканьем рванули вниз, размахивая когтистыми лапами. Почти не напрягаясь, зверушки разрезали одежду Генерала, Священника и Колокола, словно скальпелями. Майки-алко-

голички, с декольте до пупков, самые узкие велосипедки, какие я видела за долгую жизнь, и юбка-шорты рухнули вниз, на головы первокурсников. Ребята отжимались во дворе, хихикая и приговаривая: «Когда Колокол встает прямо над тобой, прозвище резко обретает смысл».

Теперь для всех стало очевидным, что среди командиров белье носит только Священник. Если его мини-плавки можно назвать таким скромным и культурным словом. По сравнению со Священником даже стриптизеры в ночном клубе выглядели пуританами.

Обнаженные преподы по военке почти не растерялись. Ну как почти… Священник заполошно взмахнул своей знаменитой барсеткой. Искромсанная мстительными котами одежда была сметена с голов студентов, перемахнула через Академическую стену и унеслась куда-то вдаль. Позже выяснилось, что приземлилась она на крышу городской ратуши одного из соседних миров. Целые сутки возмущались аборигены отвратительными флагами, пока альпинисты наконец-то не сняли драные тряпицы с девятисотэтажного небоскреба. Кто-то даже оскорбился, решив, что это намек на название страны – Трусландия.

Генерал как стоял, так и продолжал стоять, только покачал головой и нежно прикрикнул на котов:

– Ах, вы зар-р-разы! Эти лосины мне подарила жена!

От возгласа воинственного скандра попадали с деревьев птицы. Кошки начали изрыгать ругательства и даже заикать-

ся, хотя еще недавно и говорить-то не умели.

– Видишь! У нас и животинка умная! А какая начитанная-я… Вот я, например, не все слова понял, – прогремела на весь дворик шутка математика-скандра.

– А я почти ни одного не понял, – ошарашенно ответил ему высокий гость – тот самый, которого удивил наш пламенный флюгер.

– Экие вы безграмотные в вашей Академии, – загоготал на весь дворик математик. – Наверное, только внушили друг другу, что кандидаты и доктора наук. А на деле и школу-то не закончили. В моей-то школе почище выражались. Особенно учителя. Особенно когда объявляли результаты контрольных и экзаменов. Учись, пока я жив.

– Г-главное… пока жив… я-а-а, – донесся в ответ слабый стон внушателя и следом – звук удара чего-то тяжелого и тупого об пол.

Тем временем дверь-самолет наконец замедлилась, нервно вздрогнула и рухнула на землю.

Пока я наблюдала за этим совершенно обыденным для нашей Академии происшествием, безразличный к таким мелочам Езенграс о чем-то горячо спорил с Вархаром.

Контуженная истошным мяуканьем и витиеватыми благодарностями тех, кого осчастливила дверь-самолет, я не сразу сообразила – о чем, собственно, речь. Когда же бронзовый летательный аппарат закончил свой славный путь, воздух разрезал жалобный вопль Вархара:

– Я ни за что не поеду к этим слюнтяям и выскочкам! И Ольгу не пущу! Они снова научат ее этому… ну как его? Ну, этому! Тому самому, что страшнее атомной бомбы для нормального мужчины. Я забыл это слово. В нашем племени за него сразу отрезали язык. О! Вспомнил! Производительности… Нет, обольстительности… нет… как там… обходительности. Тьфу ты. Не выговоришь. Придумают же пакость!

Как обычно, шовинистские замашки Вархара будоражили не только мое воображение, но и феминистские гены. Едва пробуждаясь, приоткрывая один только глаз, они неизменно толкали хозяйку на ужасные глупости. Как говорится: дурная голова ногам покоя не дает. А уж что она творит с пятой точкой, вынужденной отважно принимать на себя удары судьбы, я вообще молчу.

Так случилось и теперь.

Кровь бросилась мне в лицо, сердце забарабанило в ушах строевой марш. Я подскочила к ректору с Вархаром и взвизгнула:

– Ты, Вархар, как хочешь. А я поеду! Хотя и не знаю куда.

– Черт! Вархар! Надо было послать тебя в Академию Всего и Ничего, – расстроился Езенграс. – Ольга все равно бы согласилась. А ты ее одну не отпустишь… Уж в этом я уверен.

– Что за Академия такая – Всего и Ничего? – заинтересовалась я, вдруг отчетливо осознав, что почти ничего не знаю про местные учебные заведения.

– Никакая это не Академия! Это пошлейшая придорожная забегаловка! Там бардака и хаоса больше, чем у бабы в голове…

Вархар покаянно посмотрел на меня, на мою руку – она нащупывала на столе ректора предмет потяжелее. Виновато пожал плечами и изобразил самую доброжелательную из убийственного арсенала своих улыбок. Ими действительно можно было убивать людей с расшатанной психикой. А тем, у кого психика была еще в порядке, изрядно ее расшатать. Чтобы окончательно сбить мой воинственный настрой, Вархар быстро объяснил:

– Оленька, ты не баба! Ты – Моя Женщина!

Скандр удовлетворенно хмыкнул, заметив, что моя рука перестала пытаться оторвать лампу от стола ректора. Как ни удивительно, она оказалась намертво прикрученной. Должно быть, не я первая и не я последняя сочла метровый осветительный прибор подходящим воспитательным инструментом.

– Да ладно тебе, Вархар, – усмехнулся Езенграс – от него мои манипуляции с лампой не ускользнули тоже. – Академия как Академия… Ну вот что бы мы делали, если бы внушатели не промывали мозги тем же зейлендцам? Женились на всех тамошних женщинах в каждом походе? А у нас, у скандров, сам знаешь, многоженство запрещено. Вспомни, как они на нас вешались с криками: «Наконец-то настоящие мужики! Не уходите, мы ваши навеки!». Как клещами вцеп-

лялись! Только обещав жениться, и можно было сбежать. Из плена и то проще вырваться. А внушатели пришли, мозги им прочистили – и зейлендские девушки снова начали считать настоящих мужиков мифами и героями фэнтези. Успокоились, бедовые…

Вархар надулся как индюк, набрал в грудь побольше воздуха и в очередной раз потряс меня до самых глубин души. Я думала, скандр разразится очередным витиеватым пассажем в адрес неведомого учебного заведения, но Вархар выкрикнул только:

– Это… это… – и замолк.

Когда у скандра скоропостижно закончились слова, я еще больше заинтересовалась упомянутой Академией. Словно почувствовав это, Вархар поспешно добавил уже в сторону Езенграса:

– Все. Понял. Исправлюсь. Дослужусь. Когда ехать?

– Вчера, – хохотнул Езенграс. – Тамошние деятели у нас уже месяц ошиваются. Ты понимаешь?

– А-а-а… – Вархар так подмигнул ректору, что я удивилась, как в радиусе километра остался хоть кто-то живой. Да еще в здравом уме и твердой памяти.

Я переводила взгляд с одного скандра на другого, но они только хитро ухмылялись и пожимали плечами.

Наконец Вархар разродился:

– Ольга, надо чтобы слизняки из Академии Внушения и Наваждения отозвали своих… франтов-мигрантов.

И скандр подмигнул мне еще раз. Парочка желтых птиц за окном только-только очнулась от воплей Генерала, устроилась на ветке и принялась деловито чистить перышки от каменной пыли – Зиферра, замахиваясь сувенирным булыжником, засыпала каменной пылью и крошевом пол-округи. Заметив выражение лица Вархара, пернатые закрыли глаза, прикинулись булыжниками и, видимо, для вящей убедительности, рухнули вниз. Но там шустро спрятались в густом хвойном кустарнике, искусно маскируя клювы под иголки. А Вархар продолжал:

– Уверен. Я смогу убедить господ слизняков соседнего Перекрестья, что их расфуфыренные коллеги слегка загостились, – скандр расплылся в чеширском оскале. Так я называла нечто среднее между улыбкой Чеширского кота и акулы.

Езенграс достойно оскалился в ответ и добавил:

– Я хочу, чтобы франты-мигранты согласились отправиться домой даже по частям. Лишь бы руководство не убило их второй раз за… За то, какого Вархара я им подложил.

И пока я в ступоре пыталась понять – шутят скандры или всерьез, любимый осторожно вывел меня из кабинета. Чеширский оскал на его лице только ширился, глаза зазывно сверкали.

Мурашки панически заметались по спине в поисках укрытия, наивно полагая, что от скандра есть спасение! Глупенькие! Три недели назад я думала так же, надеясь слегка помучить Вархара и оттянуть момент, когда мы съедемся.

Но как только скандр выписался из больницы, я пришла домой и… обомлела.

Вещи Вархара, еда Вархара и сам Вархар уже оккупировали мою квартиру. И мне ничего не оставалось, кроме как последовать примеру женщин, чьи города брали штурмом воинственные скандры. Сдаться на милость победителя и получать от этого ни с чем не сравнимое удовольствие.

Глава 3. Философия розовых рюшек

Никогда не думала, что сборы – настолько занимательный процесс. А еще веселый и разрушительный.

Мой варвар умел скрасить даже самое скучное и нудное занятие.

Стоило нам вернуться в общежитие, Вархар метнулся к шкафам – вытащил оттуда свой чемодан и один из моих. Он представлялся мне огромным, пока не очутился рядом с вархаровским. В чемоданище любимого поместились бы две скандрины и одна человеческая женщина, для компании. От легкого броска Вархара его чемодан только слегка затрещал и с тихим скрежетом проехался по полу. Зато мой жалобно скрипнул и развалился на части. Скандр подошел к безвременно почившему походному другу и посмотрел на него сверху вниз. В глазах Вархара светилось ну просто детское удивление.

– А в вашем мире есть хоть что-то качественное? Ну, кроме тебя, конечно. – Скандр заломил бровь с родинками и разразился очередной походной байкой: – Короче! Спасали мы как-то раз Зейлендию от чужеземных магов. Спасли, конечно. Куда им с нами тягаться? И Езенграс прихватил четки. Как сувенир прихватил. Продавец подарил ему бесплат-

но – штук сто, если не больше. Езенграс зашел в лавку, как бы невзначай поигрывая тремя шаровыми молниями. И продавец почему-то начал дарить ему все, что ни попадя. Уверял, что четки ну очень успокаивают нервы. И сам без конца перебирал целых две штуки. Правда, Езенграс говорит, нервный тик у парня так и не закончился. Наш бравый ректор уж и так и сяк жонглировал молниями, даже через продавца их перебрасывал. Из кожи вон лез старик, чтобы развлечь бедолагу. А у того глаз только все больше дергался, да пот градом катился со лба.

Так вот, мы с Езенграсом так и не испытали волшебного свойства четок. Только намылились помедитировать, порелаксировать… Пятнадцати минут не прошло, как были с ног до головы в каменном крошеве и обрывках лесок. А четки как-то очень быстро закончились. А однажды, тоже во время похода в Зейлендию, Езенграс решил легонечко постучать локтем в витрину хлебного. Слабенькая, скажу тебе, оказалась витрина. Локоть провалился, и старик совершенно случайно зашел в магазин не через дверь. А я вот честно хотел войти через дверь. Руки, правда, были заняты – решил открыть с ноги. Ну, ты знаешь, как я люблю… И… хлипкая деревянная дверь разлетелась на части, а куски ее выбили все окна. Ну вот какой дурак делает окна напротив двери?

Потом оптимист Езенграс надумал полежать на диване. В каком-то магазине их выставили как образцы. Прыгнул старик с разбегу на диван… И ладно бы только мебель слома-

лась. Куда ни шло! Дак ведь еще и пол провалился. Хорошо хоть наш шустрый ректор умудрился вовремя соскочить с обломков. Не то просвистел бы этажа три и приземлился в магазине женского белья. Что может быть страшнее и позорней для скандра, чем погрузиться в бездну бюстгальтеров и женских трусов? Наверное, только проглотить тампон! Ну кто так строит? Было бы удивительно, если бы вас никто не захотел завоевать!

– Вообще-то это был мой любимый походный чемодан! Я без него никуда не ездила уже… м-м-м… лет десять, – возмутилась я, когда закончила хихикать. Подозреваю, Вархар нарочно отвлекал-развлекал, оттягивал момент расплаты. Иначе досталось бы ему на орехи.

– Любимый чемодан? Никуда без него не ездила? – не растерялся скандр. – Тогда надо непременно взять его с собой. Как же без любимой походной сумки?

Глазом моргнуть не успела, как Вархар закидал останки моего чемодана в один из своих. Для надежности прихлопнув его сверху. Тот превратился в тоненькую кривую лепешку.

– Вот, Оленька! Люби на здоровье. И чемодан отдохнет. Все-таки десять лет пыхтел, как проклятый.

И ведь не возразишь, не поспоришь.

Пока соображала – выдать Вархару что-то едкое или обойтись ехидным смешком, он принялся опрокидывать над сумками ящики платяного шкафа.

И делал он это настолько ловко и быстро, что вещи попадали в чемоданы в прежнем, уложенном стопками виде. Несколько минут я пораженно наблюдала за действиями скандра. А когда дар речи вернулся, не удержалась от реплики:

– Да-а-а. Таких сборов я еще не видела…

– Оленька, – ласково произнес Вархар, не останавливаясь ни на минуту и снова решив попотчевать меня любимыми походными байками. – Не думаешь же ты, что мы не складывали одежду и доспехи в походы? Только вообрази. Взяли мы город. Нужно праздновать, а вся одежда мятая? Разве ж это дело? Не говоря уже о том, что выходные кольчуги вообще плохо разглаживаются. Металлические, понимаешь ли, заразы. Уж если погнулись – пиши пропало… Только кузнечным молотом и разгладишь. А кузнечные молоты нам почему-то в руки давали не часто. Местные, имею в виду. Тряслись, как осиновые листы. Все острое и тяжелое прятали. Наивные! Самое острое и тяжелое – языки и кулаки – у нас всегда при себе! В одной деревне вообще выбросили молот в омут. Говорили, там водяная живет. Уверен, баба подарка не оценила. Что может понимать баба в молотах? В кузнечных тем более?

Скандр захлопнул первый чемодан, и в этот момент выяснилось, что между змейками молний как минимум пять ладоней. Я думала, Вархар выложит часть вещей наружу. Но он слегка поднажал на чемодан коленом, и крышка не то чтобы

встала на место, а вдавилась в чемодан. Молния застегнулась с восторженным визгом. Кажется, боялась участи крышки. Вархар поднял чемодан над головой, покидал его немного, как баскетболист мячик, и бросил к двери. Чемодан приземлился в точности на колесики.

За считанные пятнадцать минут Вархар упаковал еще три чемодана – два моих и один свой.

Не пережила сверхскоростных сборов только коробка с косметикой. Вернее, не совсем так. Коробка пережила, косметика – нет.

Скандр швырнул ее в чемодан сразу после коробки с бижутерией. Раздались хлопки, треск, в воздух взметнулось облако пудры и теней, вверх брызнул фонтан из тональника и туши.

Когда я прочихалась, а разноцветная пыль в воздухе осела на пол, взору открылась уморительная картина.

Посреди комнаты застыл слегка ошарашенный Вархар. Ну, как слегка? Глаза его расширились раза в два, рот приоткрылся, а брови расчерчивали лоб широкой полосой.

Прическа скандра напоминала напомаженные прически времен расцвета французской монархии. Обильно политые тональником и припудренные волосы казались единой массой. Коса Вархара подозрительно смахивала на хвост стегозавра. По всей длине ее частоколом торчали карандаши – я заметила только один целый из двадцати.

Тени очень удачно легли на лицо Вархара – теперь его гла-

за были подчеркнуты всеми цветами радуги сразу. На шее у скандра висели абсолютно все бусы и ожерелья, что хранились у меня на праздничный случай. Прямо над виском, как у знойной испанки, сверкали две броши в виде орхидей – серебряная и золотая.

В одной руке Вархар зажал тушь с подкручивающим эффектом, словно клинок. В другой – мятую железяку, в которой с огромным трудом угадывалось мое металлическое зеркальце. В зубах скандра, как сигара, торчала еще одна тушь – удлиняющая с ворсинками. Вархар недовольно нахмурился, и тюбик из толстенного пластика сломался пополам, окрасив его губы в зловещий черный. Скандр выплюнул остатки в окно. Половинки тюбика, как заправские истребители, сбили на лету целую стаю жирных мух. Насекомые рухнули вниз и были пойманы птицами – те дежурили под окном чуть ли не с открытыми клювами. Словно знали, что сборы мирно не закончатся. Хотя… разве у скандров что-то заканчивалось мирно?

– Ого!

Я не сразу сообразила, что в дверях торчит до невозможности довольная физиономия Драгара.

– А тебе идет, Вархар! – похвалил парень и по неосторожности приоткрыл дверь пошире.

В следующую секунду Вархар бросился на него, как тигр на оленя. Я решила, все – лететь помощнику из окна. Снова. Увы! В таком состоянии моего жениха не остановить нико-

му. Даже мне.

Я мысленно заметалась, прикидывая – открыть окно, чтобы Драгар не пробил стекло головой или оставить так, в надежде, что Вархар все-таки пожалеет мою квартиру.

Но у скандра были совсем другие планы. Ловким движением он скрутил аспиранта каким-то затейливым противоестественным образом и связал невесть как оказавшейся под рукой льняной двойкой – рубахой и брюками. Подняв верзилу почти своих габаритов, как мягкую игрушку, любимый водрузил его на мой рабочий стол.

Я с интересом разглядывала макраме из помощника. Надо же, какие скандры гибкие! Никогда бы не подумала!

– Авангардизм? Нет, определенно сюрреализм, – вынесла я вердикт, рассмотрев арт-объект со всех сторон. – Вархар! Отпусти его, а?

– Да не вопрос, Оленька! Дай мне только минутку. И полетит отсюда белым лебедем… Ах нет, павлином, павлином, – подозрительно ласково произнес мой жених. За следующие несколько минут Вархар сделал то, на что у женщин иногда уходят часы. Руки его буквально летали, а остатки моей косметики продолжали взмывать в воздух.

Когда Вархар отошел от Драгара, я смогла только открыть рот и закрыть – слова застряли в горле.

Глаза аспиранта были подведены черным и белым карандашами. На веках красовались праздничные сине-зеленые тени с блестками. Тональный крем скрыл не только прыщи-

ки, шрамы и веснушки помощника, но и саму кожу. А заодно часть прядей по линии роста волос на лбу. Не говоря уже об ушах. Я даже не смогла определить – где именно они находились. Густо накрашенные помадой губы Драгара приобрели форму гигантского бантика и обиженно вздрагивали. Выщипанные «ниточкой» брови изящно выгибались скобочкой и усиленно хмурились. От эротической мушки на щеке вообще было невозможно отвести взгляд.

– Мадам Помпадур! – определила я, рыдая от смеха.

– Ну вот! Совсем же другое дело! – воскликнул Вархар, очень довольный результатом своих неправедных трудов. – А теперь, Драгар, я хочу, чтобы мой талант… этого как его… штукатура? Маляра? Не… визажиста… Во! – он ткнул пальцем в потолок. – Так вот! Хочу, чтобы мои способности оценили все.

С этими словами Вархар подхватил аспиранта и под его душераздирающий вопль: «Не-ет! Лучше в окно! Не надо-о!» – вытащил в коридор.

Оттуда предсказуемо послышался даже не смех – ржание. Топот, ржание и снова топот. Казалось, за дверью гарцевали жеребцы, и табун непрерывно пополнялся. Ну какие же студенты и преподы родной Академии пропустят такое феерическое зрелище?

Гоготали, конечно же, скандры с мрагулами. Им скрипуче вторили таллины, задорно порыкивая, хохотали истлы, басисто смеялись леплеры. Сальфы хихикали почти как женщи-

ны. И только я отсутствовала на этом варварском празднике жизни по причине временной недееспособности. Меня так скрючило от смеха, что даже шага сделать не удавалось!

– Видите, как старался. Аж сам весь перемазался, – донесся до меня возглас Вархара.

– Видим, – нашелся какой-то таллин, судя по скрипучему, низкому голосу. – Похоже, это у тебя брала уроки визажа Метанилла. Почерк мастера ни с чем не спутаешь.

Когда Вархар вернулся в комнату, на лице его сияла улыбка акулы-мутанта, которая только что потопила «Титаник» и съела всех пассажиров.

* * *

Академический автобус ждал нас неподалеку от корпуса.

В воздухе пахло грозой, костром и прокаленным железом – студенты не переставали тренироваться ни на минуту. Местная живность громко сообщала все, что думает по поводу военных учений. Коты возмущенно мяукали, птицы чирикали, насекомые гневно стрекотали, и даже ветер шумел в кронах и травах с осуждением. Но их никто не слушал. Впрочем, как и всегда.

Вархар вынес на плечах четыре чемодана. Все одинакового великанского размера, забитые до отказа, в руках моего жениха они казались пуховыми подушками.

Я шла сзади, налегке, а когда предложила Вархару помочь, он гордо изрек:

– Единственное, что носят женщины скандров – это их

детей! И то только во время беременности.

Из автобуса вышел тот самый водитель, что доставил меня с родной Земли в Академию. Помнится, я мысленно окрестила его роботом-кавказцем.

Смуглый мужчина, с орлиным носом и черными волосами, забранными в короткий, низкий хвост, и без единой эмоции на лице. Действовал он тоже как робот – быстро, резко, тщательно экономя движения.

Когда мимо виска шофера пронеслась молния, выражение его лица не изменилось ни капли. Водитель ловко уклонился и даже успел забрать у Вархара два чемодана. Невдалеке запылало дерево, но и это незначительное происшествие шофера не обеспокоило. Даже когда дерево затрещало и рухнуло в полуметре от него, робот-кавказец и бровью не повел. Лишь попытался стряхнуть пепел с синей футболки, и теперь казалось, что на ней выросли серые перья.

Только когда водники начали тушить дело рук электриков «жидкими облаками», и несколько капель красиво окропили лицо шофера, тот недовольно фыркнул:

– Я моюсь только по четвергам! В остальное время ванны моей расе строго противопоказаны.

Я до сих пор не узнала – что же это за раса, но рассказы водителя впечатляли.

– Будет тебе солнечная ванна, если не поторопишься, – ласково предупредил Вархар, и из пальцев его выстрелили лучики.

Водитель оживился. Кряхтя и спотыкаясь, дотащил чемоданы до грузового отсека, попытался поднять один и засунуть внутрь. Чемодан немного оторвался от земли и… снова рухнул с таким грохотом, словно и не чемодан вовсе, а булыжник с двух человек размером.

Вархар усмехнулся:

– В вашем мире мужики что, чисто для красоты? Или еще чтобы дети были? Или чтобы ванну не принимать? Теперь я понимаю, почему вы не моетесь. Должны же бабы вас хоть по запаху отличать.

Наконец водителя все-таки пробрало, и он проявил эмоции. Надулся как индюк, возмущенно запыхтел выдающимся носом, набрал в грудь побольше воздуха для достойного ответа… Но Вархар одной рукой закрыл ему рот, а другой играючи закинул чемоданы в грузовой отсек автобуса и небрежно захлопнул крышку. Водитель все еще собирался высказаться – между пальцами Вархара то и дело прорывалось его негодующее шипение. Но скандр очень спокойно предупредил:

– Скажешь хоть слово, поедешь там же, с чемоданами.

Водитель сглотнул, выдохнул, плотно сомкнул челюсти и побежал на свое место. Теперь я поняла, почему он такой неразговорчивый. Умеет ли Вархар водить автобус, шофер не задумывался. Обещание скандра придало ему и ускорения, и веры в таланты начальника.

Уже через пару минут мы ехали к академическим воро-

там, и меня, как обычно в дороге, сморило… Я положила голову на плечо Вархара и уснула как младенец.

* * *

Я успела привыкнуть к тому, что в последние недели пробуждалась не иначе как от грохота или вопля. Все-таки живу с Вархаром, а уж он-то всегда найдет, что разрушить и кого впечатлить своей молодецкой удалью.

Кто-то вопил высоким мужским голосом:

– Это был мой любимый куст сирени! Где я теперь найду новую бирюзовую сирень! Там же почти каждый цветок был пятилепестковым. И можно было загадать желание, чтобы вы оказались сном!

Послышался звучный ЧПОК и невозмутимый возглас Вархара:

– Держи свой любимый куст. Любуйся. Для хорошего сальфа ничего не жалко.

Собеседник скандра издал душераздирающий вздох. До меня донесся треск, глухой звук падения тела, и приторный медовый запах цветочного нектара просочился в автобус.

– Мне срочно нужно внушить себе, что все нормально! – взвизгнул «хороший сальф».

– Зачем такие сложности? – спросил Вархар. – Все нормально, дружище? – от его зычного баритона вздрогнула даже я, хотя нас надежно разделяли толстые бронзовые стены автобуса.

В следующую секунду дверь отъехала в сторону, и Вар-

хар подал мне руку. Не дожидаясь ответного жеста, взял за талию и поставил на землю. Я опять подивилась тому, что любимый, при всей своей разрушительной силе, ни разу не оставил на мне даже малюсенького синячка.

Сладко-пряный, очень насыщенный цветочный аромат ударил в нос, заполнил грудь до отказа, даже голова пошла кругом. Казалось, я в цветочной лавке, посреди сотен букетов, вот только выбежать и продышаться не было ни единого шанса.

Розоватое здание Академии Внушения и Наваждения мало отличалось от здания нашей родной Академии. Та же рыцарская крепость с башенками и арками, те же мощеные дорожки между корпусами, те же садики с клумбами. Однако с каждого балкона свисали ажурные бронзовые завитушки, каждую дверь оплетало металлическое кружево, а на каждой крыше толпились скульптуры. Бронзовые джентльмены в таких узких рубашках, что казалось – подними они руки, и разойдутся все швы, задумчиво взирали на лиловую линию горизонта. Позы, в которых застыли статуи, повторил бы далеко не всякий гимнаст. Рядом с йогами-дэнди, в таких же невероятных позах, пристроились бронзовые девы в вечерних платьях. Достаточно закрытых, чтобы нафантазировать подобности, и довольно открытых, чтобы показать достоинства фигуры. На отрешенных лицах красавиц отражались следы глубоких раздумий.

– Видишь, Оленька, – Вархар ткнул пальцем в статуи, –

тут даже скульптурам приходится несладко. Эк их раскорячило! А какие у них страдальческие лица!

– Философские лица, позвольте вас поправить! – возмутился уже знакомый мне высокий мужской голос. Я не сразу сообразила – откуда он вещает.

Огляделась по сторонам – никого, водитель так и не вылез из кабины, похоже, опасался мести Вархара, посмотрела наверх – никого.

И лишь после оглушительного треска стало ясно, что источник звука – под землей.

Вернее, не так – в яме, которую почти полностью скрывала от меня мощная фигура Вархара. Я обогнула скандра и застала очередную уморительную картину.

В огромной яме лежал сальф, и уместилось бы еще трое существ его комплекции. В руках он судорожно сжимал ветки сирени. Определить цвет одежды незнакомца не представлялось возможным – земля облепила ее со всех сторон, высыпалась из карманов и складок. Но покрой наряда сальфа после костюмов лекторов и студентов родной Академии казался, мягко говоря, непривычным.

На незнакомце была свободная шелковая рубашка и кожаные брюки. Кожаная жилетка частично сидела на его правом ухе. Длинные, густые волосы, собранные в высокий хвост, когда-то, видимо, поражали снежной белизной. Теперь в них корнями вплетался куст сирени.

Сальф уставился на Вархара немигающим изумрудным

взглядом – в нем отражался ну просто суеверный ужас. Наконец собрав все свое скромное мужество, он спросил:

– Позвольте поинтересоваться, а вы к нам надолго?

– Да что ж такое-то! – совершенно искренне возмутился Вархар. – Спрашивают, можно ли поинтересоваться, и, не дождавшись моего разрешения, интересуются! Ну и грубияны тут!

Сальф истерично вздрогнул и попытался выбраться наружу, но только провалился еще глубже.

– Ну что ж за день-то? – заныл он, воздев глаза к небу. – Утром ректор потребовал, чтобы я встречал каких-то варваров из Академии Войны и Мира. А тут вы…

Внезапно во взгляде незнакомца появилась осмысленность. Он дернулся назад, словно пытался расширить яму и отползти подальше, и, заикаясь на каждом слове, произнес:

– П-позвольте п-поинтересоваться, а это не вы, с-случайно, г-гости из Академии В-войны и м-мира?

– Ты смотри – он опять! – возмутился Вархар, уперев руки в боки. – Не дает позволить и интересуется. У вас все такие или только ты, болезный? – с жалостью в голосе уточнил скандр, присев на корточки.

– У нас-то? – растерянно начал сальф, кажется, не очень понимая сути вопроса. – У нас вообще разные… Наверное… возможно. А что вы имели в виду? Простите, я не понял.

– Видишь? Они со своим внушением совсем сбрендили, – поставил диагноз новому знакомому Вархар. – Да чего ж

ты копаешься? Хочешь яму побольше вырыть, что ли? Или зажил вампирской жизнью? Мне любимая женщина показала все эти сериалы. Где мужики обожают спать в грязи и в земле. Особо продвинутые – на кладбище. Антураж такой любят. Усыпляющее карканье ворон, сторож так и норовит съездить лопатой по башке. Сверху временами падают гробы со свежими покойничками… Романтика… В моем племени таких называют грязнулями и психами. А вот в некоторых других – вампирами. А еще они кровь пьют. Ты пьешь кровь?

– Жена считает, что пью, – раздалось из недр земных.

Вархар схватил сальфа за руку и рывком вытащил из ямы.

Не ожидавший от скандра такой скорости и милости, незнакомец пошатнулся и едва не свалился обратно. Суматошно схватился за плечо нашего шофера – тот наконец-то покинул кабину и замер соляным столбом. Ни один мускул не дрогнул на лице водителя, когда на него опустилась рука сальфа, по самое плечо перемазанная в черноземе. Увы! Сальф не удержал равновесие, снова пошатнулся и начал заваливаться на шофера всем телом. Тот покосился на бедолагу с изрядной долей осуждения и раздраженно заявил:

– Да что же тут за невоспитанные существа! То лапают, то обнимаются. Я вас не знаю. Но обнимать меня могут только мои жены.

– Позвольте полюбопытствовать – а у вас их несколько? – От удивления сальф даже принял вертикальное положение

и вытянулся струной.

– Ну что же тут за порядки? – возмутился уже в сторону Вархара шофер, рубанул рукой по воздуху, бешено зыркнул, и ноздри его начали раздуваться. Впервые за наше знакомство водитель стал похож не на робота-кавказца, а просто на кавказца. – Мало того, что я не разрешал любопытствовать, так еще и вопросы интимные задают. А сколько раз у нас бывает секс, тебе не интересно? В каких позах?

Сальф вновь покачнулся, и я уже начала опасаться, что яма станет ему вторым домом. Даже дернулась помочь. Но в этот момент сбоку послышался высокий, мелодичный голос, и бедолага расправил плечи, мгновенно обретя устойчивость.

– Дорогие гости из Академии Войны и Мира! Позвольте поприветствовать вас и проводить до места жительства.

Мы обернулись и увидели очередного сальфа. Светло-голубые глаза его нервно бегали, на красивом лице с утонченными чертами застыло странное выражение. То ли страха, то ли растерянности. Сальф даже рот приоткрыл, и Вархар, конечно же, не мог это не прокомментировать.

– Рот закрой, молния залетит, – предупредил он с ухмылкой аллигатора на охоте.

Звон зубов сальфа, наверное, донесся до нашей родной Академии. Уверена, там сразу поняли, что Вархар прибыл на место. Сальф улыбнулся плотно сжатыми губами и процедил:

– Позвольте представиться. Меня зовут Гвендолайн Эйр. Я проректор здесь. Для вас просто Гвенд. Меня почти все так зовут.

– Вы вообще когда-нибудь интересуетесь – позволяют вам что-то или нет? – хохотнул Вархар. – Или это так, словесный водоворот… ой, мордоворот… Тьфу ты, оборот!

– Н-наверное, оборот, – вконец растерялся Гвенд. – Так я покажу вам жилье?

– Третий корпус, пятое общежитие, комната двести или четыреста пять? Или что-то вроде этого?

Пока Вархар перечислял, брови Гвенда медленно ползли на лоб, на лице застыло выражение суеверного ужаса. Оно почти не сходило с лиц внушателей с того самого момента, как Вархар покинул академический автобус. У первого сальфа, любителя сирени, начался нервный тик – под обоими глазами. Позже я вывела закономерность – в присутствии скандров абсолютно любого сальфа неизбежно поражают тик и икота.

Еще недавно увиденное и услышанное произвело бы на меня ну просто неизгладимое впечатление. Только не теперь. Я настолько привыкла к выходкам Вархара, скандров вообще, да и других варваров из родной Академии, что даже не удивлялась. Вернее, удивлялась. Но только тому, что пока еще ничего по-настоящему катастрофического не случилось.

– Не дрейфь! – Вархар хлопнул Гвенда рукой по плечу, и

тот пошатнулся. На его белоснежном пиджаке остался четкий земляной отпечаток – все пять пальцев скандра.

Гвенд грустно посмотрел на новое украшение своего костюма, Вархар пожал плечами и «утешил»:

– Да ладно тебе! Подумаешь! Скажешь – это такой знак отличия, типа погон… Короче! Говори номер комнаты. Сам найду.

– А-а-а… откуда вы так хорошо все знаете? – потрясенно промямлил Гвенд, а любитель сирени только нервно икнул.

– Спокойно! – Вархар попытался приободрить Гвенда ударом по другому плечу, и теперь на пиджаке проректора стало одним земляным погоном больше. – Был я здесь. Лет сто назад. По обмену.

– А-а-а! Да-да! – На лице Гвенда отразилось обреченное понимание. – Я тогда еще в аспирантуре учился. Помню, четыре корпуса закрыли на ремонт… Говорили ураган… м-м-м… В-в-вархар? Я думал, это типа урагана «Катрина» в Зейлендии…

– Ураган Вархар, – гоготнул скандр. – А что? Мне нравится. Комната какая?

– Д-двести д-двадцать т-три, – заикаясь, ответил Гвенд. Душераздирающе вздохнул и с плохо скрытым сожалением добавил: – Там как раз недавно все отремонтировали. И новую мебель поставили.

– Пошли, Оленька, – как ни в чем не бывало, предложил Вархар. Легким движением руки открыл грузовой отсек ав-

тобуса, вытащил чемоданы и уверенно зашагал влево, по розовой брусчатке непривычно ровной дороги. Я послушно последовала за своим варваром, мимо идеально круглых кустов пихты – наши садовники так деревья никогда не выстригали.

* * *

Не только Гвенд, но и я сама понимала – если Вархар расстроится, что меня нет рядом, одним выкорчеванным кустом сирени не обойдется.

Однажды в пылу ссоры я отправилась ночевать к Сласе. Наутро садовники вывозили из академических двориков гору переломанных деревьев. Петр Первый построил бы из нее не один флот, а как минимум три.

Как защитница природы, я не могла расстроить Вархара. Жалко было зверушек и растения. Не говоря уже про котов. В нашу последнюю ссору я заперлась на кухне и не выходила оттуда несколько часов. Выскочила наружу, не выдержав долгого истошного мяуканья. Чтобы отвлечься от горестных раздумий, Вархар помыл шампунем для придания объема и шелковистости десятка три академических котов. Передо мной выстроился взвод пушистых комочков, до которых персам так же далеко, как лысым сфинксам до персов. Шерсть их сияла так, что сами зверушки отчаянно жмурились.

– Не забудь, что ты в нашем распоряжении. Далеко не уходи. И не отъезжай, – через плечо бросил Вархар шоферу и для верности пригрозил пальцем.

– А может, вам помыться? – неосторожно предложил Гвенд водителю, наморщив тонкий нос.

– Да вы сговорились! – уже почти зарычал шофер. Послышался звонкий чих, сморкание и снова чих.

Я обернулась. Возмущенный водитель, окончательно сбросивший маску робота, в лучших традициях Тарзана бил себя кулаками в грудь. И пепел с его одежды летел прямиком на злосчастного проректора Гвенда. Тот усиленно пытался увернуться. Но ветер выступил на стороне водителя – и вскоре почти весь пепел перекочевал на голову сальфа. Бедолага еще не знал, что посыпать ему голову пеплом станет любимой забавой не только нашего шофера, но и Вархара. И слава Богу, что не знал! Должны же быть у Гвенда хоть несколько часов счастья!

* * *

Вблизи здание Академии показалось мне слишком уж розовым.

Вархар притормозил у двери одного из корпусов. Сплошь усыпанная кружевными металлическими цветами, она напоминала вертикальную клумбу. С козырька свисал такой же плющ, а сверху на нем гордо восседали несколько бронзовых птиц, отдаленно похожих на голубей. Их высокие хохолки доставали почти до окон второго этажа. «Какие же они тонкие и непрочные», – мелькнуло в голове.

Поставив чемоданы, Вархар поддел ручку мизинцем и легонько дернул. Дверь распахнулась, ударилась о ближайшую

стену и повисла на одной петле. Ручка со звоном покатилась прочь по брусчатой дороге.

Проворчав себе под нос, что постройки до сих пор не укрепили как положено, Вархар взял чемоданы и рванул вперед.

Холл внушателей походил на холл родной Академии так же, как обычная подушка на подушку с рюшами, аппликациями, кружевами и бантиками. Вроде бы все то же самое, но чего-то явно слишком много.

На стенах, под самым потолком, висели изящные плафоны в виде цветов. Двери в комнаты, как и входную, украшали металлические кружева с разными узорами. Они походили то на паутину, то на египетские иероглифы, то на цветы, то на диковинных зверей.

Второй этаж ничем не отличался от первого, только по коридору одиноко бродил смурной черногривый истл в белоснежной рубашке и черных брюках со стрелками. Бакенбарды его были выбриты подчистую, а грива острижена так, что от нее осталась лишь короткая шапка волос. Да-а-а. Это тебе не наша Академия, где люди-львы гордились косматыми гривами, кустистыми бакенбардами и клыкастыми улыбками.

Парень то и дело останавливался возле одной из дверей и что-то бормотал себе под нос.

– Зачеты? – поинтересовался Вархар, как только мы поравнялись с бедолагой.

– Девушка, – простонал истл, подняв на скандра печальные темно-карие глаза. – Заперлась в комнате и не пускает. А я так хотел извиниться.

– За что? – Интерес Вархара заметно вырос: он остановился и пытливо воззрился на студента.

– Чавкал на встрече с ее родителями. Слишком много ел. Не сказал матери комплимент. Эх! Да всего и не перечислишь!

Трудно передать то, как менялось лицо Вархара по мере рассказа студента. Вначале брови скандра полезли на лоб, затем к их променаду присоединились глаза, а после отвалилась челюсть.

С трудом вернув ее на место и даже поправив рукой, Вархар уточнил:

– Ты не шутишь?

– Нет, – тяжело вздохнул парень. – Если бы… Она сказала, что я вел себя как вандал. А самое худшее знаете что?

Вархар замотал головой с таким видом, что стало предельно ясно – он даже предположить не мог, что плохого в вандалах.

– Она сказала, что родители запретили нам видеться.

– Тоже мне, проблема! Где ее родители?

– В соседнем мире, – быстро ответил истл.

Вархар расхохотался, подошел к двери, легонько подтолкнул ее плечом и так же, словно бы невзначай, дернул на себя. Раздался жалобный скрип, и бронзовый прямоугольник тол-

щиной, правда, всего в две ладони, слетел с петель. Парень успел отскочить, и дверь приземлилась на каменные плиты пола, недолго сердито подребезжала, но под тяжелым взглядом Вархара сразу затихла.

Я уже привыкла, что вещи понимали угрозы Вархара без слов и почти на любом расстоянии. И ничему не удивлялась.

Не поразилась бы даже, услышав историю о том, как скандры подходили к городам, гневно зыркали на ворота, и те, трепеща от страха, гостеприимно распахивались сами.

Не прошло и секунды, как из комнаты выскочила разъяренная темно-русая мрагулка с глубокими серыми глазами и носом-уточкой. Девушка, гораздо более изящная, чем те, к которым я привыкла, неслась ураганом. Схватила парня за плечи и встряхнула так, что даже Вархар удивился.

– И ты говоришь, что не варвар? Не вандал? – взвизгнула она.

– Я? Не-ет! – робко улыбнулся парень. – А вот он – да! – и кивнул в сторону моего жениха. Скандр загоготал громче, обнял меня и повел дальше, в нашу новую квартиру. Слава Богу, временную.

Вархар остановился возле одной из дверей – ее испещряли металлические языки пламени. Похоже, ориентировался по рисунку – других указаний на номер комнаты я не заметила.

Приложив руку к замку, скандр дождался визгливого щелчка, и дверь распахнулась.

Мы вошли внутрь, Вархар издал громкий стон и выронил

чемоданы.

Они приземлились с таким грохотом, что несколько соседних дверей с тихим скрипом торопливо приоткрылись. Думаю, владельцы дверей оценивали – это уже второе пришествие варваров или только Апокалипсис?

Не знаю, что именно так расстроило Вархара.

Возможно, розовый балдахин над кроватью, весь расшитый кружевами и рюшами. На нем застыли сотни тюлевых бабочек, размером с ладонь, и крылья их пронизывали золотистые нити.

Наверное, Вархар не оценил кружевные шторы с алыми маками. Или даже рабочие столы сложной формы, похожей на волну с ажурными ножками и тончайшими узорами по краям столешницы.

Вероятно, скандру не пришлись по душе кресла и стулья, испещренные таким же орнаментом. На их спинках сидели расшитые все теми же кружевами фигурки птиц, очередные бабочки и даже пухлощекие куклы-купидоны с сердечками в руках.

Возможно, Вархара немножко смутило то, что вся мебель была из розового дерева – не по названию, по цвету.

Кажется, его также не привел в восторг паркет, разрисованный огромными красными тюльпанами, и лампы в виде этих самых тюльпанов на столах и по всем стенам.

Но когда скандр зашел на кухню, его стон напомнил крик самца касатки в брачный период.

Я сразу поняла в чем дело. Холодильник был всего-навсего вдвое больше Вархара, в духовку мог влезть только кролик. Кабана пришлось бы резать пополам. Не говоря уже о микроволновке. Чтобы разогреть там бургуза, его потребовалось бы разделать аж на четыре части!

Да и сам кухонный стол выглядел подозрительно тонким. Ну как тонким? Всего лишь в две ладони! А ведь Вархар однажды, с досады, легким ударом кулака расколол пополам наш, вернее, мой. Тогда скандр никак не мог вспомнить имя одного из своих студентов, чего не случалось, по его собственным заверениям, уже лет сто. В прямом смысле слова.

Но самый громкий стон издал Вархар, когда не смог оторвать от игрушечного чайника, намертво вделанного в столешницу… бабу. Куклу нарядили в сарафан цвета фуксии, с кружевами и рюшами везде, где можно и даже… хм… там, где нельзя. Русую голову ее венчал кокошник, усыпанный блестками, как зимняя улица – снегом. Даже мне захотелось сощуриться.

Вархар несколько минут кружил возле фигурки, как ворон вокруг добычи. Потом схватил, дернул и… ничего. Стол приподнялся над полом вместе с куклой. Когда во взгляде Вархара полыхнуло возмущение, я подскочила к окну и пошире распахнула ставни. Фуф. Успела. Хотя бы стекла спасла!

Вархар издал рев раненого мамонта. Схватил стол и отправил в окно. Оттуда послышался треск, грохот и дикое мя-

уканье. Думаю, местные коты тоже еще помнили Вархара – скорее всего зверушки передавали легенды о нем из поколения в поколение. В их нечленораздельных криках так и слышалось:

– Мяуон мяувернулся… Мяужас…

К окну грустно прислонились тонкие ветки ближайших деревьев, перебитые столом. Тот срикошетил о соседнее здание и полетел куда-то в сторону. Я проследила за стремительным полетом.

Стол перемахнул через дальний корпус и повис на башне, на голове мускулистого джентльмена. Бронзовый мужчина стоял на одной ноге прямо на башенном шпиле, а другую поднял вверх, как девушки из группы поддержки. Раньше на голове статуи красовалась элегантная шляпа. Но она совершенно не сочеталась ни с тогой, похожей на римскую, ни с сандалиями, похожими на греческие, ни тем более – с позой, похожей на йоговскую. Зато теперь шляпу полностью скрыл стол, и баба на нем улыбчиво подмигивала прохожим.

Кажется, радости ее не было предела. Еще бы! И от Вархара далеко и у всех на виду.

Я уже почти вышла из ступора и намеревалась примерно отчитать скандра. Только въехал и сразу крушит уютное гнездышко! Ну и что, что квартира похожа на домик для куклы Барби? И в сараях живут!

Хотя что-то подсказывало мне, что Вархар как раз предпочел бы самый захудалый сарай местному розово-ваниль-

ному безобразию.

Я уже открыла рот, чтобы излить на скандра всю силу воспитательной беседы, а попросту пригрозить ему воздержанием, если не утихомирится.

Пока это был самый надежный способ воздействия. Кроме ночевки у подруги, конечно. Но желание резко отпало.

– Ничего-ничего! Нам давно требовался флюгер, – успокаивал кого-то во дворе Гвенд. – Я понял, что стол и статуя оплавились и прилипли друг к другу. Зато что-то новенькое в архитектуре. Не переживайте так. Остальным внушим, что это такое новомодное украшение. Кто не поверит – внушим дважды. Если расплавятся мозги, внушим, что так и было. Да, и родственникам тоже.

От возмущения у меня слова застряли в горле. Я открывала рот, но выдавить ничего путного не выходило. Вот тебе и раз! Ничего себе галантные и интеллигентные «внушатели» в белом! Чужими мозгами распоряжаются как мешками с картошкой!

– Ты поняла, какие мы добрые? – прокомментировал мое потрясенное лицо Вархар. – Мы мозги не плавим. Никогда! – Он гордо вскинул голову и бровь с родинками тоже. – Мы даем легкую встряску… У вас она называется потрясение мозга. Ой, сотрясение, конечно, сотрясение.

– А как же мои ромашки? – раздался истеричный мужской возглас за окном. – На них упали ветки деревьев, осыпалась листва, и приземлились коты…

Видимо, обладателя этого голоса и успокаивал Гвенд. Вархар принялся за ревизию холодильника, а я выглянула наружу. Женское любопытство, как же без него.

Под окном стоял изящный истл. Я даже не думала, что расу людей-львов можно довести до такого состояния.

Его грива была выбрита так, что теперь ничем не отличалась от обычной человеческой шевелюры. Расчесанный, уложенный и обильно покрытый лаком хвост на затылке напоминал прическу подиумной модели перед выходом. На мускулистой, но непривычно стройной фигуре как влитой сидел зеленый бархатный пиджак с кружевными манжетами и воротом. Я начинала всерьез опасаться, что и аудитории тут тоже сплошь драпированы кружевами и рюшами. На партах нет места для студенческих тетрадей из-за купидонов, птиц и сердечек, а лабораторные установки слепят мириадами пайеток. Должно быть, ребята занимаются в черных очках.

Бархатные брюки истла выглядели слишком короткими – между ними и ботинками из крокодиловой кожи нескромно выглядывали скромные носки.

Что-то нежно-бежевое и, конечно же, с кружавчиками. Да-а-а. Тяжело тут пришлось Вархару в его прошлый визит.

И вот стоило мне так подумать, скандр вихрем вылетел из кухни и надрывно прокричал:

– Ольга! Ты представляешь, из всех блюд только половина мясные! Да они с ума посходили! Я жрать траву не буду! Слышал от женщин твоей Зейлендии, что все мужики типа

козлы… Но не думал, что заблуждение докатилось и до этих краев.

С этими словами Вархар помчался к окну с целой горой пластиковых емкостей в руках. И прежде чем я успела его остановить, выкрикнуть хотя бы одно возражение, с размаху выбросил «траву» наружу. И все бы ничего, но несколько полупрозрачных коробочек приоткрылись в полете.

Теперь я поняла значение слова – вешать лапшу на уши. Несмотря на возмущение от столь вопиющего разбазаривания еды, смех так и рвался из горла.

Зеленая, розовая и белая лапша обильно повисла на ушах, прическах и плечах истла с Гвендом.

Спутник проректора поднял голову, увидел Вархара, покачнулся и простонал:

– Господи! За какие грехи?! Он вернулся…

Истл воздел очи к небу и, не дождавшись ответа, упал в обморок.

– У нас народ… э-э-э… чувствительный… к макаронам… – растерянно промямлил Гвенд. Закинул истла себе на плечи и потащил куда-то в сторону.

– Да погоди ты! – Вархар перегнулся из окна и дернул за пиджак истла. В его руке осталась… сверкающая всеми цветами радуги муха-брошь, разумеется, вместе с куском ткани. – Ой, – улыбнулся Вархар Гвенду, и на лице проректора отразилась гримаса неподдельного ужаса. – Я думал, муха села.

Истл приоткрыл глаза, посмотрел на плечо – из огромной

дыры в бархате торчали куски розовой шелковой подкладки – и снова упал в обморок.

– Видишь! – ткнул пальцем в понурую фигуру Гвенда Вархар. – Это они только внушили себе, что устойчивы к стрессу. Слюнтяи.

Если бы не речь сальфа о поджарке мозгов, я не преминула бы возмутиться очередным вандализмом скандра. Как минимум объяснить, что принимающую сторону нужно постепенно погружать в прелести варварской жизни. Чтобы не побросали манатки и не сбежали с насиженных мест куда глаза глядят. Кто ж тогда руководить Академией останется? Но после рассуждений Гвенда у меня отпало всякое желание отчитывать Вархара.

Теперь я понимала, почему любимый так не хотел сюда ехать, и даже немного устыдилась собственного упрямства.

Настолько ближе и понятнее казался мне Вархар с его варварским благородством и понятиями о чести, чем утонченные поганцы с трусливой и подлой моралью, что рылись в чужих мозгах, как в собственном кармане!

Что ж… мой скандр научит их уважать чужие мозги. Он педагог от бога, правда, вопрос от какого. Боюсь, что от какого-нибудь дикого бога-воителя.

Потом попробую утихомирить Вархара. Когда наестся. Судя по всему, скандр уже не надеялся, что ему удастся это сделать.

И, конечно же, Вархара ждет долгая лекция о том, что

нельзя выбрасывать еду. Даже «траву». Даже макароны.

Правда, им немедленно нашлось применение. Над головами Гвенда с истлом закружила пестрая стая птиц, ловко склевывая лапшу.

Проректор неловко отмахивался, прыгал из стороны в сторону, но голодные пернатые не отставали, роняя белые кляксы. Зато когда Гвенд добрался до желанной двери корпуса, макарон на нем уже почти не осталось. Из прически топорщились во все стороны «петухи» – птицы не очень-то церемонились, не знали, с каким уважаемым внушателем имеют дело. Необразованные животные, что с них возьмешь. Из пиджака Гвенда торчали нитки – по той же причине. Хотя после земляных «погон» этот ненавязчивый дизайн уже не так бросался в глаза.

Зато снимать с ушей и голов лапшу ни проректору, ни истлу больше не требовалось.

Глава 4. Основы воспитания варваров

Вархар чуял, что после обеда его ждет головомойка.

Ел нарочито медленно – с чувством, с толком, с расстановкой. То и дело подсовывал мне лакомые кусочки, подливал чаю, сладко улыбался и ласково говорил:

– Оленька. Ты же понимаешь, дорогая, как важно мужчине нормально поесть. Посмотри, что сделала лапша и трава с местными. Разве они похожи на мужиков? То мух на себя цепляют. То с сиренью обнимаются…

Я улыбалась и кивала, как обычно перед тем, как задать Вархару жару. И он жевал помедленней, осознавая, что расплаты не избежать.

Когда на тарелке скандра осталась лишь куча костей, а двухлитровая кружка опустела в третий раз, я тихо и вкрадчиво сообщила:

– Вархар. А ты не думаешь, что обменять нас на франтов-мигрантов в родной Академии можно без большого количества жертв? И мне не нравится обедать на письменном столе! А еще мне не нравится, когда еда летит в окно!

– Оленька, – почти елейным голоском произнес жених. – Ну ты же сама чуть не ослепла от кокошника этой… этой… бабы. А как же голодные птички? Ты видела, как они оцени-

ли местную бурду?

– Кокошник можно снять. А бабу, в крайнем случае, чем-то накрыть, – парировала я. – Птичек покормить крошками или крупой. И раз тебе так не нравится наше новое жилище, на кровати буду спать я. А тебя поселю на диване, в рабочей комнате.

Вархар мгновенно смекнул, чем это грозит, и нежно так поинтересовался:

– Тебе совсем-совсем не жалко местную живность? Котов из родной Академии помнишь?

– Ничего, – ухмыльнулась я. – Мыться полезно. Это еще Парацельс установил. Избавляет от паразитов, знаешь ли…

– Пара чего он там установил? – хмыкнул в ответ Вархар. – Пару раз прицелился? От паразитов, Оленька, избавляет своевременное нашествие варваров, – скандр многозначительно поднял палец вверх. – Все паразиты моментально становятся порядочными членами общества. Волшебство меча и орала… Про меч ты знаешь. Наши оралы слышала.

– Не уводи разговор в сторону, – с трудом сдерживая хихиканье, пожурила я Вархара. Кто-кто, а уж он-то отлично умел переключить внимание на что-то незначительное, расшутиться так, чтобы собеседник совершенно забыл, о чем шла речь. – Что это за вандализм? Чем тебе сирень помешала?

– Да я просто подумал… зачем бедному деревцу расти в такой сухой и неплодородной почве… и решил ему помочь, –

Вархар посмотрел на меня самым ласковым из своих взглядов и даже попытался взять за руку.

– Стоп! – скомандовала я, и скандр замер на полужесте, удерживая ладонь на весу, в сантиметре от моей. После месяца жизни с Вархаром генеральские команды получались без усилий. – Давай сначала договоримся.

– О чем, Оленька? – он поднял бровь с родинками и хитро прищурился.

– О том, что разрушения не превысят допустимые пределы. Сегодня ты свою дозу уже превысил, норму уже перевыполнил, – предупредила я. – И зачем ты портишь им одежду?

Вархар просто задохнулся картинным возмущением:

– Как ты можешь называть ЭТО одеждой, Оленька? Это же… это же… – Не найдя нужного эпитета – «в гостях» у внушателей эта беда случалась с Вархаром все чаще и чаще – скандр не растерялся: – В такой одежде только бабы ходят.

Я неторопливо поднялась из-за письменного стола, который он принес на кухню взамен новоиспеченному флюгеру на статуе. Стремительно подскочила к жениху, на полную катушку используя эффект неожиданности, как советовала Свангильда, жена Генерала. Как только мы с Вархаром съехались, она неделю давала мне мастер-классы по жизни с воинственным варваром. Теперь, когда любимый сидел, а я стояла, наши лица были почти вровень, и распекать его казалось намного приятней и удобней. Я подбоченилась и расставила ноги на ширину плеч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.